

The background of the book cover is a collage of forensic and violent imagery. It features several bright red blood splatters of various sizes and shapes. A silver bullet casing is visible in the top left corner, and another is in the middle right. A red fingerprint is on the left side, and a black one is in the top right. A black bullet casing is in the center. The overall color palette is dominated by red, yellow, and white, with a grainy, high-contrast texture.

А. Петров

Сталкер. День саранчи

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Петров
Сталкер. День саранчи

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Петров А.

Сталкер. День саранчи / А. Петров — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Никто, ни сталкеры, ни учёные, не знают, откуда они появились. Их назвали саранча. И теперь привычная для многих Зона может измениться до неузнаваемости. Потому что всё вокруг стало другим. Потому что встреча с ними — это смерть. Потому что никто заранее не знает, поможет ему опыт или капризная удача...И только военный сталкер Ягуар надеется, что сможет выжить...Содержит нецензурную брань.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

44

Контактная информация:

Петров Александр

Электронная почта: boss.herli@mail.ru

Сталкер.

День саранчи.

И из дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть, какую имеют земные скорпионы.

(Апокалипсис.9:4)

Пролог.

Он бежал.

Сперва не оглядывался, словно боялся, что увидит пулю. Просто месил ботинками грязь, пытаюсь продраться среди кустов. Мне он был виден как на ладони. Даже бинокля, который держал в руке майор, не понадобилось.

– Сбежит ведь, паскуда, – удручённо произнёс майор, тяжело вздыхая. – Точно сбежит.

Я усмехнулся.

– Расслабься. Не сбежит.

Я стянул из-за спины камуфлированный чехол и положил на грязный бетон. Потом раскрыл, явив миру легенду крупного калибра – магазинную винтовку «хартман» под патрон .504 Gibbs. У майора поднялись брови.

– Не кисло!

– Ага.

Я открыл затвор, вставил обойму и тут же дослал патрон. Вскинул, прицелился и увидел беглеца. Он пересекал улицу, стараясь как можно быстрее достичь густого перелеска с северо-восточной окраины города. Прекрасно понимал, что в тени деревьев его будет сложно достать. И отчасти он был прав. Я положил винтовку на локоть левой руки, упёрся в выступ в проломе крыши и удобнее пристроил палец на спуске. Над ухом послышалось:

– Ну, чего ты? Стреляй!

– Не зуди, майор. До полковника не доживёшь.

Лазерный дальномер стремительно отсчитывал дистанцию. Хорошая штука эти телескопические прицелы. Человека видишь полностью. Всего видишь. От макушки до пяток. И выбираешь оптимальную точку прицеливания. Лучше не в голову. В центр груди. Так оно верней. В моём случае это была спина. Напряжённая от мощных усилий, чуть согнутая, мелькающая среди порыжелых кустов. А дальномер продолжал отсчитывать: 400 метров, 450, 500...

Мой палец лёг на спусковой крючок. Теперь дышим. Ровно и размеренно. Без рывков. Не спеша. Когда дальномер выдал цифру 600 метров, я с шумом глубоко вдохнул, и на секунду задержал дыхание. Медленный тихий выдох. Потом лёгкий нажим на спусковой крючок.

БА-БАНГ!

Сильный толчок в правое плечо.

Я успел увидеть, как между лопаток взметнулась приличная кровавая клякса. Беглеца развернуло влево и отбросило в рыжую поросль. Патрон .504 Gibbs очень мощный, шансов не оставляет. Пуля в оболочке на дистанции до километра выдаёт энергии больше 5000 Дж, но на вылет практически не бьёт. Почти всё отдаёт цели. Результат жуткий и весьма впечатляющий.

Его майор и увидел, когда поднял свой бинокль.

– Готов? – спросил он.

Шутник, мать твою. Хи-хи-хи. Я опустил винтовку, одним движением затвора выбросил ещё слегка дымящуюся гильзу и усмехнулся.

– Нет, блин, подремать прилёт.

– Любишь ты прикалываться, да? – проворчал майор. – Как думаешь, ещё сюрпризы будут?

– Тебе это так важно сейчас?

Он покачал головой.

– Нет.

– Вот и хорошо.

Можно было подумать, что есть время ломать голову над таким вопросом. Будут сюрпризы или не будут? В нашем нынешнем положении это уже не играло существенной роли. Мы даже до базы не добрались. Застряли в пятиэтажной панельной коробке, осаждённые мутантами. И ещё неизвестно, дождёмся ли мы вертолёт. Будет весело как никогда. Я прислонил винтовку к плечу и подумал, что первый раз так вляпался по-крупному. Если выберусь, точно брошу всё к чертям. И ведь главное, как же хорошо начиналась эта история...

В баре «Сто рентген» у меня специфическая репутация.

Во-первых, я считаюсь непьющим, что в сталкерской братии сродни музейному экспонату. Они, видите ли, радионуклиды выводят. Как говорится, не пьют, а лечатся. Ну, а я, если и выпиваю, то не в баре. Для этого у меня даже своя квартирка имеется, за Периметром, в Чернобыле-4, аккурат на базе миротворческих сил. Это второй факт, который порождает определённые злословия. Дескать, не такой я как все. В отрыве от масс. Ну и в-третьих, я имею дела только с Барменом, других барыг, как правило, обхожу стороной, и это им не нравится. Они хотят те же цацки, что я приношу в «Сто рентген», да чтоб побольше.

К этому, обычно, прибавляют ещё и тот факт, что я обладаю документами военстала, особым пропуском в Зону и могу спокойно пересекать Периметр. В смысле, абсолютно легально. Это не потому, что я блатной, это часть работы. Я беру частные заказы, оплата по договорённости – за редкость товара и риск. И притом, хороший риск, поскольку те самые редкие товары бывают в местах труднодоступных и очень опасных. Да и Бармен подбирает клиентуру с такими запросами, что закачаешься. Ему, конечно, оно выгодно, только ведь сам Бармен в Зону, считай, и не выходит, а процент со сделок срубает неплохой.

А кто из этих барыг поступает иначе?

Я вошёл в бар ближе к вечеру, когда часть сталкеров уже разбрелась по комнатам. Бармен торчал на своём месте, но едва я двинулся к стойке, как увидел перед собой здоровенную волосатую руку Динамика, одного из новых охранников. Он загородил дорогу и гулко пробасил:

– Куда спешишь, тёмный?

Я изобразил самое невинное выражение лица, на какое только был способен.

– Мне бы с Барменом поговорить. По делу.

Динамик парень не шибко умный, зато накачанный. Говорить с ним вежливо бесполезно, он и половины падежей не знает. А вот в репу, при случае, врежет сразу. Потому-то я стараюсь не сердить этого здоровяка. Не из страха, а из соображения осторожности.

– Стой тут! – буркнул Динамик и пошёл доложить.

Это мне знакомо. Уже проходили. Сперва «стой тут», потом «клади стволы здесь». Я огляделся. Несколько человек повернули головы в мою сторону, однако, глянули без особого интереса. Что им до одинокого, покрытого пылью сталкера в кожаном пальто? Да и захмелели ребята. Кучками сидели. О своём думали.

В это время вернулся Динамик.

– Проходи, – сказал он. – Тока давай стволы клади здесь, понял?

Я откинул край пальто с правой стороны и вытащил из кобуры на бедре свой автоматический «кольт» 45-го калибра, протянув его Динамику. Он немного удивлённо посмотрел на пистолет, потом кивнул.

– Всё?

– Больше ничего нет, – я покачал головой. – Рюкзак проверять будешь?

– Чё?

Я прошёл вперёд, и уже подходя к стойке, с недовольным видом развёл руками. Бармен усмехнулся.

– Чем недоволен? – спросил он, продолжая усмехаться.

– Обслуживанием. Я, конечно, знаю, что у тебя не «Хилтон», но как-то по-другому надо относиться к постоянным посетителям.

– Ладно, Ягуар, не скули. Не собака. Принёс?

– А то.

– Понял. Геша, подмени меня!

Бармен выскользнул из-за стойки, уступая место помощнику. Геша очень колоритная личность. Бывший вор, отмотавший чуть ли не три срока, но, как он сам говорит, «завязавший». То ли правда, то ли нет, но здесь воровать себе дороже. Сталкеры народ матёрый, сразу прибудут, если поймают. Да и «Долг» следит за местным климатом, не давая спуска никому. И всё же Гешу малость сторонились, вид у него был уж больно типичный. Наколки, четыре стальные фиксы на нижних зубах, плюс, ярко выраженная «блатная» манера вести беседу. За версту видать. Как и почему ему доверял Бармен, оставалось загадкой. Может, действительно, был Геша хорошим помощником? Кто ж знает.

Бармен поманил меня пальцем, отворил боковую дверь и юркнул вниз. Там обнаружилась лестница с обтянутыми линолеумом ступенями, ведущая к массивной двери, запирающей секретный кабинет Бармена. Все особо важные дела он решал там. Конспиратор, тоже мне. Бармен спустился первым, шустро набрал код и стал открывать. Судя по толщине, дверь должна была выдержать прямое попадание ядерного боеприпаса, не иначе. Он прошёл внутрь, зажёл свет и обернулся.

– Ну? Не томи уже!

Я вошёл следом. Комната примерно семь на семь метров, небольшая лампочка под низким потолком, серые не крашенные стены, со следами старой штукатурки. И несколько стеллажей, где видно хранилось нечто ценное. Ни мебели, ни удобств. Одним словом, секретная подсобка.

– А деньги где? – спросил я, стаскивая с плеча рюкзак.

Бармен насупился.

– Ты считаешь, я тебя обманываю? – недовольно пробурчал он и покачал головой. – За шкурника меня держишь?

– Ладно тебе, не кипятись. Я же только так сказал. Чтобы разговор поддержать. А вот, кстати, и предмет нашего разговора.

Я расстегнул специальное боковое отделение рюкзака и вытащил запечатанный пластиковый цилиндр. Бармен, как только его увидел, сразу расплылся в блаженной улыбке.

– Ах, ты ж моя радость!

Его радостью была весьма странная для простого обывателя живность. В Зоне её называли «гобелен». Маленькая ящерица, размером сантиметров пятнадцать, экземпляры больше ещё ни разу не попадались. Шустрая и агрессивная, если попробуете с ней подружиться. Не советую. Мигом тяпнет за палец или ещё за что по существенней, а зубки у неё дай бог каждому. Говорят, стальной собачий поводок изгрызает. Лапок у неё шесть, поэтому бегают она,

будь здоров, да и водится только на окраине Припяти. И стоит около шестидесяти тысяч евро за штуку. В начальной стоимости. А всё дело в её редкой шкурке.

Она имеет довольно интересную структуру, не рвётся, не протыкается и тянется, как мягкая резина. Насколько я помню, учёные мужи уже три года пытаются разгадать секрет этой шкурки. И платят за живой образец приличные деньги, особенно, всякие там западные исследовательские институты и фонды. Беда только в том, что «гобелен» крайне редкая и относительно молодая фауна в наших краях. Немногим повезло поймать хотя бы одного. Мне довелось трижды. Собственно говоря, именно поэтому я и получил своё прозвище – Ягуар. Наверное, по причине везения в ловле ящериц, ну и по некоторым физиологическим особенностям, из-за которых меня ещё иногда зовут тёмным.

«Гобелен» был в пластиковом цилиндре-контейнере, но не шевелился, покачиваясь в специальном растворе. Пришлось sprysнуть ящерицу спреем с мощной дозой транквилизаторов, отчего она казалась сдохшей.

– Слушай, а...

Сомнения Бармена были мне вполне понятны.

– Она живая, просто спит. Только замки сразу не открывай.

– Это ещё почему? – он прищурился.

– Наглая сволочь попалась. Чуть мои берцы не сожрала.

Бармен сосредоточенно сдвинул брови.

– В смысле злая тварюга?

– В смысле, дружище, сейчас апрель. У этих господ, так сказать, брачный сезон. И перед тобой дама, которую не обхаживали женихи.

При этих словах лицо Бармена вытянулось и покраснело. И явно не от стыда.

– Не гонишь?

– Нет. Но, если не веришь, можешь взять лупу и убедиться сам.

– А...

– Две последние лапы. У хвоста. Раздвинь их и посмотри.

Он кивнул.

– Верю, верю. Значит, самка. Эй, а ведь это пойдёт в два раза дороже!

– Ну, тебе лучше знать расценки. Где мой гонорар?

Бармен засуетился. Быстренько спрятал контейнер и скрылся где-то за стеллажами. Я не видел, что он там делал, но через несколько мгновений раздались чёткие сухие щелчки. Их было пять, с разным интервалом и длительностью. Потом что-то натужно заскрипело. Догадаться оказалось не трудно – Бармен отпирал свой секретный сейф. Вот, значит, как? Самые интересные вещи можно узнать, если хорошенько послушать.

– Сейчас я... – прокряхтел Бармен откуда-то из-за стеллажей. – Секундочку...

Через мгновение он появился, держа в каждой руке по пачке денег, перехваченных резинками. Одна тугая и толстая, другая поменьше. Совсем тоненькая. И протянул мне.

– Как договаривались. Пятьдесят штук. И...это... – он немного замялся. – Короче, ещё пять, за бабский экземпляр.

Я взял деньги и покачал головой.

– Тут что-то не то, – сказал я, стараясь придать своему лицу суровое выражение, которое Бармен не очень любит. – Ещё пять сверху? Без обмана?

– Слушай, Ягуар, кончай уже, а? Не делай такое вот загадочное лицо. Ты же знаешь, я этого, блин, не люблю.

– Добрый ты не к месту. Это как-то напрягает.

– Вот и делай после этого людям добро...

– Ладно, в чём дело? Ты же задобрить меня решил. Неспроста, верно?

Бармен покачал головой и тяжело вздохнул.

– Ну... вообще, работёнка для тебя есть.

– Работёнка? Я предполагал отдых на две недели.

– Да, но... тут, видишь ли, вот какая фигня вышла, именно ты и нужен. Серьёзный дядька вписался. Набрал команду и ищет проводника.

– Проводника?

– Ага, точно.

– погоди, а я здесь с какого конверта? Ты же знаешь, я туристов не вожу.

Бармен закивал.

– Это не туристы. Наёмники. Хотят чего-то пошарить в центре Зоны. Один проводник у них, вроде как, уже есть. И второго хотят.

Услышанное заставило меня задуматься. С наёмниками сталкеры старались никаких дел не иметь. Иначе говоря, стреляли в них. И, соответственно, получали такое же отношение к собственной персоне. Правда, мне на эти разборки было начхать с высокой колокольни, ибо я, в некотором роде, и сам наёмником числюсь. Но вот, зачем я понадобился какому-то там «серьёзному дяде», я не имел ни малейшего понятия и даже никакой догадки. Среди опытных сталкеров, если как следует поискать, да ещё и с умом подойти, можно нанять специалиста-проводника намного выше рангом. Тем более странно, что один у них уже имеется. Зачем второй? Про запас?

Бармен всё это время внимательно за мной наблюдал. Хитрый он, сволочь. Какой-то свой интерес имеет и меня хочет к делу приставить.

– Ну? – спросил он, наконец.

– Что ну?

– Согласен или как?

– Ты так и не сказал, куда им надо?

– В центр Зоны.

– Твою... Центр – он, знаешь ли, большой. Куда именно?

– Я понятия не имею. Они хотят просто встретиться и поговорить. С тобой лично. Я обещал, что обеспечу эту... как её... кондурфельность, вот!

– Конфиденциальность, – поправил я.

– А-а, блин... короче, выделю вам помещение для переговоров.

– И что дальше?

Бармен уставился на меня.

– Как что? Там решишь, послать их или нет. Добро?

Я полез под пальто и выудил недокурную сигару. Это моя, пожалуй, самая вредная привычка. Люблю иногда, знаете ли, попытеть хорошей сигарой. Мне так лучше думается.

– Нет, не добро, – я отрицательно мотнул головой. – Не нравится мне это дельце. Очень не нравится. И заказчик этот тоже, мать его, не нравится. Зачем ему два проводника? Для коллекции?

Бармен вскинул брови вверх. Казалось, ещё немного, и он взмолится.

– Слушай, Ягуар, я тебя как человека прошу... Уважь для порядка, поговори с этими пиндоса... э-э... людьми, ладно? Просто поговори. Ну, что тебе стоит? А послать всегда успеешь, а?

Я смотрел на него и думал, что ответить. Правда, уже через секунду понял, что ответить-то мне, собственно, и нечего. Поэтому я с остервенением сунул в зубы сигару и кивнул.

– Хорошо, уговорил.

– И что ж ты так долго тянул...

– Но! – я поднял указательный палец перед лицом Бармена. – Это рандеву будет внутри Периметра, понял?

Он улыбнулся.

– Да что ты, Ягуар, в самом деле! Я же сказал, что всё устрою! Здесь, в баре. Чтоб ни одна вошь не пронюхала, у Геши в его каземате. Послезавтра, в два.

Он сказал это так просто и даже каким-то будничным голосом, что я догадался сразу: он назначил встречу заранее, и волновался только по поводу моего отказа. Знал ведь, засранец, что уговорит. Мне оставалось лишь угрюмо жевать кончик сигары. И смотреть в его нагло улыбающуюся рожу.

– Ну, ты и...

– Это же бизнес, Ягуар. Ты пойми, блин, чудак ты человек! Вот, к примеру, сегодня я тебя свёл с такими людьми, а завтра, глядишь, они меня на хорошего клиента выведут. Без связей нам нельзя, а тут такой дядя подошёл...ох, мама, не горюй!

– Когда-нибудь я на тебя Клещу пожелаю. Честное слово.

Бармен улыбнулся ещё шире.

– Ха! А ты знаешь, кто тебе рекомендовал?

– Нет, а что?

– Это Клещ и был.

Да, такого я не ожидал. Как говорится, последний кирпич на голову. Что ж, теперь отпираться действительно не имеет смысла. И я кивнул.

– Тогда я пошёл. Самое время пойти застрелиться.

– Не вешай нос, парень!

– Угу.

– Это же просто встреча. Разговоры, то да сё...

– Почему у меня такое чувство, что я вляпаюсь?

Он похлопал меня по плечу.

– Ладно, Ягуар, езжай домой, отоспись, поешь, как следует...ну, там...это... Повеселись.

Послезавтра приедешь и...

Я запихнул деньги за пазуху, покачал головой и вышел. Ему бы всё бизнес делать. Твою-то мать.

Во внутреннем дворике бара меня ждал мой верный железный конь, потрёпанный жизнью и дорогами УАЗ, который я всегда оставляю здесь. И это один из пунктов нашего с Барменом соглашения. Мне не приходится чесать до Периметра пешком, к тому же, я иногда оружие везу. Хотя «корочки» у меня с особым пропуском, как у военстала, всё равно иногда смотрят, что внутри. Правда, смотри не смотри, не найдёшь, я ведь свои вещички на всеобщее обозрение не выставляю. А сделать несколько тайничков в машине – не проблема.

В этот раз я возвращался за Периметр в дурном настроении. Не нравилась мне эта затея с проводниками. На «серьёзных дядей», бывало, и я работал. Чего уж там греха таить, всякое случалось. У меня свои заказчики, люди требовательные и мнительные. Всё-то им не то, всё-то им не так. То цену слишком завышаешь, то товар, якобы, порченный. Капризы богатых, они как причуды полоумных. Никакой разницы. Разве что одни сидят в дурдоме, другие в особняках. Ну, а я для них вроде исполнителя желаний. Хотите артефактик редкий? Пожалуйста. Зверюшку-мутанта дорогую желаете? Извольте-с. Любой ваш каприз за ваши деньги. Строго по прейскуранту. А тут?

Наёмники ребята суровые. Знаю. Почти что коллеги по бизнесу. Если им что-то не подойдёт, хватаются за стволы. Приучены. Спор с ними может перейти в перестрелку. И ведь им я нужен. Именно я. Клещ, конечно, тоже хорош. Наверняка наплёл про меня с три короба. Он меня любит, считает чуть ли не за сына, вот уж не знаю, блин, почему? Я с группировками тёмных сталкеров дел не имею. У них, как говорится, своя поляна, у меня – своя. Ну, было пару раз, пересекались. Но без стрельбы, мирно. Нам-то, в сущности, делить нечего. Тёмные в баре «Сталкер» хозяйничают. Это их вотчина. А у меня вотчин нет. Только за Периметром. Семьдесят квадратных метров в панельном доме.

Подъезжал я к блокпосту с невесёлыми мыслями. Там слегка зашевелились, всё-таки машина со стороны Зоны едет, но не стреляли. Мой УАЗ тут многим знаком, да и ехал я не шибко. Никого таранить не собирался. Возле ворот я остановился и посигналил. Через несколько секунд показался молоденький старший лейтенант.

– Кто такой? Документы?

Я сунул ему свой пропуск.

– А представляться не учили, старлей?

Он вспыхнул было, побледнел, но пропуск взял. Несколько минут смотрел, видимо, искал, где бы прицепиться, но так ничего и не нашёл. Потом, медленно вернул мне пропуск и козырнул.

– Старший лейтенант Копытовский. Можете ехать, – он обернулся и сделал знак своим солдатам.

– Копытовский? А вы, случайно, не родственник одного персонажа из романа всемирно известного писателя Шолохова?

Он снова побледнел. Но промолчал. В этот момент с гулким лязгом поползли в стороны ворота блокпоста. И я поехал дальше, оставив негодующего старшего лейтенанта позади. Хорошо, что я езжу через Периметр здесь. Это сектор наших, российских, миротворцев. На украинском или голландском секторе я бы не рискнул так шутить. Нервные они шибко, с юмором у них совсем плохо, зато стреляют часто. Так ведь и до беды недалеко.

За отведённые мне Барменом сутки я пытался расслабиться. Очень пытался. Около часа отмокал в ванной, потом, фактически, полдня спал. Наличие собственной недвижимости на целых три комнаты щедро обеспеченных благами цивилизации, действуют очень даже успокаивающе. Когда холодильник полный – вдвойне. Зона таких удобств не предоставляет, больше потчуя людей свинцом, радиацией и крайне опасными организмами. Согласитесь, разница существенная. Квартиру я приобрёл по случаю, когда поймал своего первого «гобелена», а Бармен его пристроил. С тех самых пор, мы и начали наше сотрудничество, и он же посодествовал мне с постоянным жильём. Квартиру продал бывший офицер, уволившийся из миротворцев и умотавший за границу. Видно, решил, что ему за глаза хватит Периметра и всех его прелестей. Ну, а я купил. Тогда уже точно стало ясно, что останусь. Люди, конечно, скажут: странное место, чтобы начать новую жизнь, только я не приживаюсь в другом, обычном, мире. Здесь мне почему-то спокойнее.

Наверное, всё-таки не зря меня иногда называют тёмным.

На следующий день, ближе к полудню проехав Периметр, я был у Бармена. Оставив УАЗ на прежнем месте, я прошёл в бар и с удивлением обнаружил, что Динамик меня не останавливает. Это вызвало небольшой шок. Я нарочно продефилировал перед его носом, однако, никакой ответной реакции не последовало. Даже не окликнул, а уж глотка у него ещё та, недаром Динамиком и прозвали. Я подошёл к стойке и посмотрел на Бармена.

– Он у тебя не захворал, часом? – спросил я.

– Нет, я велел тебя не трогать. Дело-то важное. Не стоит резину тянуть.

Я кивнул и оглядел почти пустой зал.

– А народ где?

Он покачал головой.

– Так ведь кто отсыпается, а кто за хабаром пошёл. Мало мужиков на базе.

– Я когда проезжал, «долговцев» тоже немного видел.

– Ну, у них вроде как облава. Возле Агропрома вчера семейку кровососов засекали. Они и рванули.

Я только согласился. Тут и говорить-то нечего, одно слово «Долг». Борются за избавление от скверны. В смысле, пытаются уничтожить Зону, хотя все их потуги, как мне кажется, для самой Зоны – лишь один плевок.

– Ну? – я глянул на часы. – Ещё почти полчаса. Где мне обождать, пока гости соберутся? Бармен повернулся и поманил к себе Гешу.

– Он проводит. Ты только это... тихо посиди, ладно? Не хочу, чтобы кто просёк, а то сам понимаешь...

Я усмехнулся.

– Ладно, Штирлиц, я понял. Шуметь не буду.

Геша подошёл и широко улыбнулся. Мы с ним ладим, хоть и разные по натуре. Да и зачем мне его обижать? Опять же не из страха, а ради осторожности. Лишние проблемы ни к чему.

– Здорово, бра-атан! – он продемонстрировал мне весь блеск золота во рту.

– Здорово.

– Пошли, что ли!

И мы пошли.

Как и было условлено, Бармен устраивал нашу встречу в комнате Геши. Он, правда, всегда называл её казематом, видимо, в силу какой-то своей привычки. Если честно, апартаменты у Геши напоминали скорее кунсткамеру, чем обычный каземат. Маленькое окошко, очень старая, ещё советская, мебель и, что называется, настоящий славянский шкаф. Он стоял отдельно и предназначался для Гешиной заначки. Учитывая, что сама комната была на втором этаже угловой, сюда невозможно было заглянуть сразу. Тем более, внезапно. Сначала пришлось бы пересечь длинный коридор. Поэтому, мне здесь уже понравилось.

– Слышь, Ягуар, ты слыхал, что Мохнатый накрылся? – спросил Геша, отпирая дверь.

– Мохнатый? Нет, а что с ним?

– Вчера, типа, весточка пришла с Агропрома. Он на кровососов налетел, фраер, теперь говорят всё. Хана.

Мохнатый был неплохим сталкером. Я, правда, видел его пару раз всего, но молва о нём шла добрая. Выходит, он и засёк тех самых упырей, за которыми долговцы ушли.

– Во! – Геша толкнул дверь. – Видал, какую, чисто, берлогу я себе надыбал, а?

Я огляделся. Геша знал, что я бывал здесь уже несколько раз, но всё равно любил прихвастнуть. Для порядка.

– Крутой угол. Я тут посижу?

– Да ладно тебе, бра-атан, не мандражируй, в натуре! Сиди, где хошь, я сказал. Не обижай хозяев.

Я кивнул.

– Спасибо.

Он улыбнулся ещё шире.

– О! Это уже конкретно! Ну, ты давай тут дерево не лохмать. Как эти «клёцки» заварятся, я их сюда доведу, лады?

– Лады.

Геша, всё ещё широко улыбаясь, скрылся за дверью. Я подождал, пока он уйдёт и прошёлся до окна. Оно было забрано решёткой, как и все окна в баре, да и в соседних зданиях, где обитали люди, тоже. Суровые у нас тут условия. Иногда неизвестно кто или что заглянуть может. Вот и принимаем меры безопасности. Я подошёл ближе к окну и глянул. Оно выходило как раз на внутренний двор, где виднелся мой УАЗ и ещё пара самодельных, собранных чёрт знает из чего, внедорожников. Напротив было здание литейного цеха, сверкающего выбитыми окнами. Правда, часть из них залатали, забив стальными листами. В результате, получилась небольшая крепость.

Я прошёлся обратно к шкафу. Потом, осторожно присел на койку, застланную грубым солдатским одеялом. У Геши, как у рачительного хозяина, имелась так же тумбочка, электроплитка, спрятанная где-то в «славянском гарнитуре», пара стульев, украденных не иначе как на партсобрании и даже холодильник, стоявший у противоположного угла. И самое главное –

обои. Простенькие, бумажные обои, в серую и жёлтую полоску, как в период моего детства, в старом добром СССР. Где он их взял, понятия не имею.

Однако об уюте думать не приходилось. Я взглянул на часы, было уже без четверти два, значит, скоро жди гостей. Сунув руку назад за пояс, я вытащил свой «кольт», проверил и запахнул обратно. Рукояткой вправо. Обычно, я пользуюсь кобурой, плечевой или на бедре, неважно, но сегодня я оделся немного поприличнее, чем в прошлый раз, в кожаную куртку и чистые джинсы, а под курткой кобуру видно. На бедро её тоже не нацепишь, вот и приходится таскать ствол сзади за поясом. А поясные кобуры я не люблю. Бывает, от ремня отрываются. И не в ходу они здесь у нас. Редкость.

Конечно, Бармен ни за что и никогда не одобрил бы такое поведение. Прийти на встречу с оружием, да ещё с пистолетом, он бы меня отругал. Ведь важный «дядя» вписался. Значит, мне вдвойне нужен был ствол. Не из страха, ради осторожности. Словом, как обычно.

Ровно в 14:05 послышались шаги. Кто-то глухо заговорил в коридоре, потом засмеялся. Шаги приближались. Наконец, дверь распахнулась, и в проёме появился улыбающийся Геша.

– Во, Ягуар! Я их, типа, довёл!

Его отодвинул крепкий мужичок среднего роста, в замшевой куртке, камуфлированных штанах и типичных армейских берцах. Рыжие волосы и брови, вкупе с бледно-голубыми глазами, делали его похожим на стопроцентного финна. Он шагнул вперёд и с дружелюбной улыбкой протянул мне руку.

– Рад знакомству, – его голос был немного ниже, чем я предполагал. – Значит, ты Ягуар, да? Наслышан.

Я встал. Здраваться за руку у мужчин, обычно, принято, только вот что-то мне не понравилось. Что-то в его глазах. Глянул как-то с хитринкой, мол, сейчас посмотрим, что ты за фрукт. И я стал ждать подвоха, так и не подав руки. дождался через пару мгновений – рыжий плавно перенёс вес тела на правую ногу и бросился вперёд. На меня.

ЩИ-ИХ! – лязгнула сталь, из левого рукава его замшевой куртки выскользнул нож, и устремился к моей шее. Я отпрянул, сделав маленький шагок назад, и перехватил его запястье, задействовав правую руку. И тут же вмазал ему костяшками пальцев левой прямо по кадыку. ХАК! Он задохнулся, откинул голову назад и захрипел. Только ведь я – парень беспощадный. Потому и сунул ему мысок бутсы в пах. БАЦ! Хороший получился удар, футбольный. И наступил у нас полный аут.

– У-ууууиии-ёёооо!!! – вырвалось у рыжего с таким тяжким хрипом, будто он всю жизнь болел астмой.

Он мигом осел на колени, абсолютно безучастный не только ко мне, но и ко всему на свете. Данное обстоятельство позволило беспрепятственно изъять у него нож. Даже руку выкручивать не потребовалось. Кстати, хороший был у рыжего нож, американский – «Шарки». Таким он бы мне глотку вскрыл.

Всё произошло за несколько секунд. И пока рыжий корчился на карачках, к нам подскочил Геша. Он обернулся к стоявшим в проёме остальным моим гостям и заверещал, страшно выпучив глаза:

– Вы чё, в натуре, оборзели?! Беспредел творите, лохи контуженные! Я щас Фёдорычу скажу, он вам zenки на катушку натянет!

Я посмотрел на стонущего противника и подумал, что разговор у нас не задался. С самого начала. Человек пришёл с ними поговорить, по-хорошему пришёл поговорить, а тут, видите ли, на него сразу бросаются. Нельзя так. Я провернул нож между пальцев, лезвием вперёд, и протянул его Геше.

– Держи. Спустишь вниз, скажешь – я послал весь этот симпозиум к мировому пролетариату. Пусть Фёдорыч больше на меня не рассчитывает.

– А ты...это...как же...

– За меня не волнуйся, – успокоил я Гешу. – Я тут подожду. Давай.

– Ага, я это...мигом!

Он пулей выскочил в коридор. Стоявшие в проёме наёмники расступились, мрачно глядя то на стонущего товарища, то на меня. Видать, и правда, я удар не рассчитал. Вмазал со всей силы. Рыжий медленно раскачивался, сидя на коленках, и зажимал промежность обеими руками. Я посмотрел на остальных. Выдержать мой взгляд с непривычки было непросто, и кое-кто опустил глаза. Потом я услышал знакомый голос:

– Слышь, Саня, давай вопрос перетрём. По мирному.

Я повернул голову и смотрел, как он выходит из-за спин остальных. Неторопливый и задумчивый, единственный из всех, кто зовёт меня по имени. Не признаёт он прозвища, данного мне в Зоне. Платон. Черти бы его съели. Мой первый и давно уже бывший напарник.

– Перетрём, говоришь?

– А то. Людям дашь войти? Неудобно как-то на пороге разговаривать.

Я кивнул.

– Прошу.

Платон махнул рукой остальным.

Вот так незадача. Хотел было я увильнуть, и на тебе! Получается, матч состоится в любую погоду.

Их было шестеро. Если считать ещё и стонущего рыжего – семеро. Входили по очереди, один за другим. Начали гости мои рассаживаться, и тут показалась в двери свирепая рожа Бармена. Он был вместе с Гешей, державшим обрез, и очень удивился, когда не увидел ничего криминального, кроме всё ещё стонавшего рыжего. Бармен окинул суровым взглядом комнату, остановил свой взор на мне и вопросительно поднял брови.

– Ну? Что за буза? – спросил он.

– Да всё нормально, Фёдорыч, – кивнул ему Платон. – Мы тут сами разрулим.

– Да? – лицо Бармена напряглось, едва он узнал моего бывшего напарника.

– Без проблем.

– То-то я смотрю... – Бармен ещё раз глянул на меня и кивнул. – Короче, я тут с Ягуаром охрану оставлю.

– И на кой Ягуару твоя охрана? – развёл руками Платон.

Бармен нахмурился.

– Ты...это...философ, твою в титьку, поговори ещё у меня! Сказал уже, охрана тут побудет. Для порядка.

Он сделал знак Геше и юркнул обратно в коридор. Геша закрыл дверь, прислонился к ней спиной и так и остался стоять, хмуро поглядывая на остальных. Обрез он зажал под мышкой. Даже курки не взвёл. Платон, как и я, это заметил и усмехнулся. Плохой был из Геши охранник. Никудышный.

– Ну, что, Саня, – Платон посмотрел на меня. – Сразу к делу? Или с людьми познакомишься?

Я оглядел всех присутствующих.

– Сначала люди.

– Хорошо, – он улыбнулся.

И мы познакомились.

Первым был Костыль. Суровый дядька лет сорока пяти, вдоль левой скулы тянулся хороший такой шрам. От чего – сразу не поймёшь, но вызывает уважение. И виски тронула седина. По виду, мужик серьёзный, только при ходьбе немного прихрамывает на правую ногу, за что Костылём и прозвали. Он представился, как свободный сталкер, но по мне так он больше похо-

дил на наёмника. Несколько их группировок слонялось по Тёмной долине, изредка бывали стычки с другими сталкерами, даже в меня пару раз стреляли. Я подумал, что за ним неплохо бы приглядывать.

Следующим был Пьер. Это было не прозвище, а самое настоящее имя, как пояснил мне Платон. Фамилия у него оказалась Монтрезоннелан. Я когда услышал, сразу понял, что имя намного лучше. Истинный француз, по-русски понимал плохо. Здесь очутился по найму, видно, хорошие деньги предложили. Бывший капрал Иностранного Легиона. Короче говоря, ещё один наёмник.

Рядом сидели Малой и Фантик – двое молодых сталкеров, которых я иногда видел в баре «Шти». Не шибко известные, но и не дураки, как я слышал.

Платон о них отозвался тоже неплохо, но заметил, что оба ещё «молодняк», дескать, если что... Отмычками пойдут. Правда, сказал он это, наклонившись ко мне до самого уха, чтобы другие не слышали. И в-первую очередь, Малой с Фантиком. Бывали случаи, когда разобидевшиеся на старших молодые сталкеры стреляли в спину в самый неподходящий момент. Мы, кстати, с Платоном тоже были такими. Думали, что нам вся Припять по колено, и весь Саркофаг – по самое плечо. Прошло время, мы изменились. И эти ребята изменятся, если выживут в Зоне хотя бы пару-тройку лет.

Потом настала очередь чуда чудного. Нет, скорее даже, дива дивного. Особь очень редкого у нас в Зоне прекрасного пола, с белокурыми волосами, стянутыми на затылке в хвост. Обладательница вполне себе миловидного лица и бицепсов объёмом не меньше чем в сорок пять сантиметров, самый что ни на есть Шварценеггер-блондин женского рода. Если бы не два упругих подтягивания под майкой, никогда не догадаешься, кто это перед тобой. Во всяком случае, не с первого раза. Платон сообщил, что зовут это чудо Света Назарова, она из Вологды, рекордсменка по тяжёлой атлетике и метанию молота. Прошла курсы телохранителей, сюда приехала на заработки, как и все. Правда, здесь её прозвали Светка-Терминатор. Я присмотрелся. А что, хорошее прозвище. Подходит.

– Ну и наш командир, – сказал Платон, кивая на рыжего. – Майор Хотунцев. Спецназ.

Майор уже немного пришёл в себя, переместился с карачек на стул. Но смотрел на меня с нескрываемой злобой и желанием отомстить. Ну, конечно, приём, что принёс мне победу, почему-то считается не совсем честным. Мол, не по-мужски это. Только все, обычно, забывают, что настоящая драка – не ринг. И не спорт, тут медалей не дают. Между прочим, тот же майор, если бы смог, чиркнул бы мне по горлу своим ножичком «шарки» и не поморщился. Поэтому, когда я слышу разговоры о доблести, чести воина и прочая, прочая – мне зевать хочется от скуки. В настоящей потасовке нет доблести. И уж тем более, нет чести. Есть только победители, те, кто стоит на ногах, и есть проигравшие, лежащие на земле.

Однако мне нужно было как-то разрядить обстановку. Поэтому я посмотрел на майора и сказал:

– Что ж, приятно было познакомиться, товарищ майор.

Он ответил мне таким ненавидящим взглядом, что будь я из свинца, давно расплавился бы.

– Я тебе не майор, – процедил он. – Для тебя я Хотунцев Анатолий Геннадьевич, понял, гнида желтоглазая?

Ну, наконец-то! Я давно ждал, когда тема моего внешнего вида встанет на этом партсобрании. Майор получил по яйцам, внутри у него кипела злость, и он нашёл для неё выход, обратив внимание на мои не совсем обычные глаза. Я ведь уже говорил, что мой взгляд, если вы его встретили, требует привычки.

Геша, до этого с интересом наблюдавший за Светкой-Терминатором, услышал майора и тотчас встрепенулся. Его обрез поднялся, выцеливая рыжую башку.

– Ты это шас чё сказал, а, фраер? – процедил Геша, скривив губы. – С ливером попрощаться хошь?

Майор зыркнул в его сторону, слегка вздрогнул, потом посмотрел на меня.

– Нож отдай, сука, – выдавил он.

Платон, видимо, понял, что сейчас назревает тупиковая ситуация – нож я майору, конечно, не верну – и поспешил вмешаться.

– Остынь, – сказал он, глянув на Хотунцева. – Нож свой ты профукал. И не зырь так на меня, словно сожрать хочешь. Я тебя не боюсь. Сам же сказал, придём, я этого Ягуара испытаю. Больно уж много про него Клещ говорил. Ну, испытал? Доволен?

Майор как-то затравленно сглотнул.

– Доволен, – буркнул он.

– Вот видишь? Любые заморочки можно разрулить, – Платон мельком глянул на меня и снова посмотрел на майора. – И это... насчёт гниды желтоглазой... ты бы извинился. Саня у нас не мутант, между прочим. Просто есть такие люди – альбиносы, понимаешь?¹ Так что, майор, волну не гони. И давай с людьми по-хорошему, блин. Нам же вместе в Зону топать.

Майор нахмурился. Признать, что он был неправ, разумеется, он не хотел. Но и довод Платона относительно нашего марш-броска в Зону, просто так не отмести. Наконец, майор всё же себя пересилил.

– Ладно, – хмуро выдавил Хотунцев, поглядел на меня и почему-то опустил глаза. – Короче... это... извиняюсь я. Не хотел. Вырвалось. Замнём?

Платон с видом парламентаря, который только что предотвратил третью мировую войну, повернулся ко мне. Он молчал, но слова и не требовались. Его слова. Он ожидал ответной реакции с моей стороны. Понятное дело. Только вот замять у нас получится лишь до первой серьёзной ссоры. И я это понимал. Майор затаил камушек за пазухой, сразу видно, что затаил. И окончательно проблема исчезнет только, когда исчезнет кто-то один из нас. Очень не хотелось, чтобы им оказался я.

Но сейчас надо было мириться.

– Замнём, – я кивнул. – О деле бы поговорить.

Платон согласился.

– Для того и собрались. Ну и поскольку конфликт исчерпан, – он мотнул головой в сторону Хотунцева, – будем считать, что руководство просит слова. Так?

Майор шмыгнул носом. Насморк у него, что ли? Странно, от ударов по яйцам соплей вроде не бывает.

– Три дня назад, – начал Хотунцев, – пропал вертолёт, который должен был перевезти очень ценный груз на базу «Орион-6». Но контакт с экипажем был потерян. И никто не знает, живы ли они. Нам поручено найти вертолёт, спасти выживших и доставить груз до места назначения.

Складно излагает майор. Как в штабе. Я вытащил сигару и повертел в пальцах, чтобы мысли шевелились активнее. Значит, вот зачем мы все здесь. Искать будем. База «Орион-6» это кордон западных миротворцев, находившихся здесь под эгидой ООН, и нам они не подотчётны. А вот почему наняли людей со стороны? Или своих знаменитых морпехов посылать не хотят?

– Времени у нас в обрез, – продолжал майор, поглядев на остальных. – Зато ресурсы не ограничены. Кто-то хочет отказаться сразу?

Я спросил:

– Где их потеряли?

¹ В действительности, жёлтый цвет радужной оболочки глаза не является признаком альбинизма. Жёлтый цвет радужки встречается крайне редко. Это случается тогда, когда сосуды радужной оболочки содержат пигмент липофусцин (липохром) очень бледного цвета. Так же это бывает врождённый патологический вариант, зависящий от наличия билирубина в толще тканей радужки.

Хотунцев повернулся и кивнул Платону. Тот вытащил из-под куртки электронный планшет и положил на тумбочку. Потом включил.

– Это здесь.

На экране ярко высветилась спутниковая карта Зоны. И палец Платона ткнул в направлении на юго-восток от базы «Орион-б», практически в сторону ЧАЭС. Там было помечено зелёными квадратиками несколько мест вероятного падения вертолёта. И все они находились чертовски близко к самым опасным районам. Я мгновенно понял, какая это будет авантюра. Стопроцентный риск.

– Ну? – майор посмотрел на меня. – Согласен?

Я вздохнул. Эх, сказал бы я тебе, майор, да только...

– Не хило их занесло, – неожиданно подал голос Костыль. – И кто-то ещё надеется найти их живыми?

– Мы должны убедиться, – сказал Хотунцев. – Это первое условие заказчика. Но, если там одни мертвецы, трупы мы таскать не обязаны.

– Кто заказчик? – спросил я.

– Не могу сказать.

– Что за груз?

– Это тоже закрытая информация.

– Ладно, тогда назови цифру. Стимулируй народ. А то как-то скисли все.

Майор назвал.

Остальные замерли, переваривая информацию. Сумма, конечно, неплохая, однако, и риск большой. Для любого наёмника важно, чтобы он сам остался в живых. Иначе, кто же тогда потратит его денежки? Я подумал, что никто не откажется. Все согласятся идти. Так оно и случилось. Майор был доволен, но не сумел скрыть своего триумфа. Гордо выпятил грудь и приосанился, полководец, мать твою.

Через мгновение он впери в меня победный взор.

– Ну, Ягуар, а ты?

Я? Что я. Я бы не пошёл, если бы не Платон. Должок за мной. И знает ведь майор, сволочь, что пойду. Наверняка знает.

– Он согласен, – ответил за меня Платон. – Осталось только маршрут прикинуть. И подготовиться.

– Времени мало, – напомнил майор.

– Зато не напутаем ничего, – возразил Платон, взял планшет и подсел поближе ко мне. – Мы оба и поведём. Не возражаешь?

Майор замотал головой. Ещё бы он возражал. Он дальше Кордона и бункера Сидоровича и не ходил, небось. Платон посмотрел на карту.

– Ну, что думаешь? – спросил он.

Я покосился на остальных, потом перевёл взгляд на Гешу. Он блаженно засматривался на единственную женщину, находившуюся среди нас и, похоже, думал явно о чём-то другом. Не стоит им знать некоторые детали. И я сказал Платону:

– Может, обсудим отдельно?

Майор тут же встрял:

– Это как это отдельно? Я команду группой и я...

Платон кивнул.

– Командуешь, командуешь, – устало произнёс он и сделал знак Геше. – Эй, слышь, скажи Фёдорычу, чтоб ребят определил на постой. А мы тут ещё, малость, пошушукаемся, понял?

Геша, снова оторванный от своей мечты, недовольно нахмурился и глянул на меня, как бы спрашивая разрешения. Всё-таки, за переговоры отвечал я. И я поддержал Платона.

– Иди, Геша, иди. Передашь, что у нас тут всё в ажуре. Дело обсуждаем.

– Понял.

Он вышел в коридор. Платон проводил взглядом Малого и Фантика, которые последовали за ним, и посмотрел на Костыля. Он отрицательно покачал головой.

– Ага, сейчас, – пробурчал Костыль. – Только тапочки зашнурую. Нет уж, красавцы вы мои, я всё знать должен. До последней детали.

В этот момент заговорил наш француз. Он что-то пролопотал по-своему, я ничего не понял, это по части Платона, он французским владеет. Получив какой-то ответ, Пьер поднялся и тоже вышел. Я посмотрел вслед.

– Чего это он?

– Не обращай внимания, – отмахнулся мой бывший напарник. – Ему стало скучно. Говорит, стрельбы нет, значит, он пошёл искать выпивку и баб.

– И найдёт? – майор тоже глянул в направлении коридора.

Платон пожал плечами.

– Понятия не имею.

– Так ты ж с ним говорил! – возмутился Хотунцев.

– Говорил.

– И что?

– Я его послал.

Майор сплюнул и витиевато выругался. Платон подмигнул мне и пододвинул планшет с картой.

– Ну, что, продолжим?

Зелёные квадратики, обозначавшие наиболее вероятные места падения вертолёт, как объяснил мне Платон, были выделены компьютером на основе последних данных о маршруте полёта, скорости и целого ряда дополнительных данных. В том числе, возможности пилотов посадить аварийную машину. Для вертолёт существуют правила экстренного снижения и посадки, более сложные, чем, например для аэробусов. Но ведь и высота полёта у них несоизмерима. Если допустить, что эти герои выжили при крушении, им придётся столкнуться с местной флорой и фауной, не считая аномалий. Конечно, существовал шанс – ничтожный – что мы их найдём. Только я поймал понимающий взгляд Платона, и согласился с ним на все сто. Если мы что и найдём, так это груз. На выживших рассчитывать не приходилось.

Но, похоже, что майор думал иначе.

– Сколько времени это займёт? – спросил он.

– Трудно сказать.

– Люди ждут нашей помощи, – Хотунцев недовольно сдвинул брови. – Мы должны быть там...

– Не суетись, майор, – вздохнул Платон. – Дойдём. Потихоньку.

Он хотел было что-то возразить, но никто из нас его не слушал. Самый простой способ попасть в нужный район – это рвануть напрямик через Радар. Нормальненько, да? Зато быстро. Только я помнил совсем немногих счастливчиков, сумевших хотя бы пройти возле Выжигателя Мозгов. Ещё меньше было тех, кто прошёл очень близко. А тех, кого можно назвать человеком после этого, я толком и не помнил. Другой дорогой, которую мы с Платоном наметили, был маршрут в обход Янтаря с востока. Дальше по окраине болот, помеченных на карте, и к Припяти.

Платон сделал пометку и указал мне на зелёные квадратики северо-восточнее Корогода и села Разъездное. Если верить этим компьютерным прогнозам, далеко же отнесло вертолёт. Получалось, что он мог пролететь ещё приличное расстояние и рухнуть в достаточной близости от Припяти. Замечательно. То, что там будет полно дерьма всех сортов и размеров, да ещё и в большем количестве, мы с Платоном не сомневались.

Третий, запасной маршрут, шёл через Лиманск. В идеале, нам и следовало бы идти там, осторожно пробираясь в обход проклятого Радара. Прямой путь к скоплению зелёных квадратов севернее Корогода, только вот возникал вопрос: что делать с другими отметками? Возле ЧАЭС? Была шальная мысль разделить группу, ведь проводников-то двое. И её тут же зарубил на корню наш доблестный майор спецназа. К моему удивлению, Платон его поддержал.

– Не-а, не вариант, – он замотал головой. – Не пойдёт.

– Почему? – спросил я.

– Саня, подумай, а? У нас тут опытных людей всего ничего. А если хорошо нарвёмся?

Я подумал. Что имел в виду под словом «опытные люди» мой бывший напарник? Из профессиональных солдат удачи были только трое: я, Платон и этот француз-легионер. Про Костыля наверняка не скажешь, хоть и похож. При этом ни майор, ни Светка-Терминатор с Пьером в Зоне никогда не были, а только лишь готовились. И унас ещё двое молодых сталкеров в придачу. Конечно, стрелять-то умели все, но только вот одной стрельбой в Зоне не проживёшь. Да и каков на закваску будет наш бравый полководец? Мы с Платоном прошли школу одного бельгийца, старого головореза, начинавшего свой «творческий» путь ещё в составе ФНЛА.² Относительно боевой и, так сказать, политической подготовки нашего майора я ничего не знал. Хотя, ножи он, видимо, предпочитал всё же американские.

По всему выходило, что Платон прав. Разделяться нам нельзя. Что вынуждало нашу группу идти сначала в один район, к окраине Припяти, где возможно и лежит этот вертолёт, ну, а если не повезёт, тогда топтать на ЧАЭС, и молиться, что мы оттуда вернёмся. Хотя вряд ли. Счастливый конец бывает только в плохих мелодрамах. В жизни оно всегда иначе.

Платон, наконец, встал и заявил, что общий план кампании готов. Мелочами он займётся завтра на свежую голову. Оставшиеся с нами Костыль и Терминатор, похоже, претензий или возражений не имели, а уж майор и подавно. Я первым выбрался в коридор и направился к лестнице.

И уже на ступеньках неожиданно столкнулся с Гешей. Это было потрясающее зрелище: радостный и улыбающийся помощник Бармена с пластмассовой ромашкой в руке. Он глянул на меня и спросил:

– Это... Ягуар... она там?

Я сразу понял, о ком речь, и только сочувственно покачал головой.

– Геша, ты бы повременил, что ли.

– Чё?

– Я хочу сказать, что у вас... гм... разная весовая категория.

Геша улыбнулся ещё шире.

– Да ты, чё? Бра-аган! Это же такая краля! Короче... это... я шас!

И он мигом исчез за моей спиной.

Я спустился в зал, подошёл к стойке и присел на свободный табурет прямо перед Барменом.

– Пивком не богат, хозяин? – тоненьким голоском, словно козлёнок, спросил я.

Бармен, конечно, уже знал о результатах и покачал головой.

– Шутит он всё. Шутник, твою... – проворчал он. – Держи.

Передо мной звякнула полная пивная бутылка. Я не успел даже взяться за неё, как вдруг наверху послышался грохот. Бармен задрал голову и удивлённо посмотрел на потолок.

– Это ещё что за...

Между тем грохот повторился, только теперь он сопровождался писклявым визгом. Зашумело где-то на лестнице, откуда вылетел Геша, зажимавший левый глаз обеими ладонями.

² Фронт Национального Освобождения Анголы

Он проскочил мимо остолбеневшего Динамика и кинулся к двери. Бармен с вытянутым от изумления лицом посмотрел вслед.

Да-а, а ведь я предупреждал. Не послушался.

– Это что сейчас было? – Бармен уставился на меня, как удав на жертву.

Я взял бутылку и выставил её в качестве щита, мол, дайте хоть пивка попить. Однако это не подействовало. Бармен хмуро смотрел на меня и требовал ответа.

– Не заморачивайся, Фёдорыч, – сказал я, стараясь, чтобы голос звучал как можно убедительнее. – Неудача в личной жизни твоего верного помощника. Бывает. Прости его неразумного.

– Чего?! – шея Бармена вздулась канатами вен. – Какой ещё, на хрен, личной жизни?!

Со стороны лестницы показались Светка и Костыль. Она потирала кулак, и тут до Бармена, наконец, дошло.

– Вернётся, убью, – пообещал он.

Я предостерегающе поднял палец.

– Гешу, пожалуйста, не трогай. Ему завтра много дел предстоит. Он ещё пригодится.

– Что, решили, значит?

– Ага. И снаряжение будет нужно.

– Какое? – прищурился он.

Я сказал. И положил на стойку записку. Тут лицо у Бармена вытянулось ещё больше.

– А...это...не хило ли...гм...будет?

– Нет. И всё это «не хило» надо доставить через сутки. Не позже.

Он вконец сник.

– Живодёр ты, Ягуар.

Мне осталось только развести руками.

– Я не настаиваю. Но, учти, что будешь тогда иметь дело с твоим «серьёзным дядькой», которому содержимое этого вертолёта нужно позарез. И поскольку никто так и не сказал, что это за содержимое, я оставляю за собой право удвоить плату. Имей в виду.

– А зачем ты мне говоришь? – поднял брови Бармен.

– А кому? Кто меня втянул во всё это?

– Ты сам согласился, – Бармен расплылся в ехидной усмешке.

Я кивнул.

– А ты знал, что среди гостей будет Платон?

Он мгновенно побледнел и опустил глаза. Значит, знал, сволочь. Не мог не знать, что в этом случае у меня не будет возможности отказаться. Забился на хороший процент, и плевать на все уговоры. Одно слово, барыга. Я отпил ещё пива, отставил бутылку и встал.

– Сделай одолжение, откройся завтра пораньше.

Бармен стоял возле тронутых ржавчиной, но всё ещё крепких ворот и злобно смотрел, как мы подъезжаем. Слово он сдержал и открылся раньше, только вот эта кирпичная пристройка к бару являлась в некотором роде секретом. Не любил Бармен, когда много народа топчется вокруг. Лишние глаза, лишние уши.

Собственно говоря, злиться ему было не за чем. Из приезжих оказались только майор и француз, прикатившие на своих навороченных джипах. Мы с Платоном переночевали здесь. Костыль и два наших молодых сталкера встали на постой в баре «Шти». Где-то была и Светка, явившаяся чуть ли не первой. Судя по её виду, ночёвка прошла нормально.

Бармен подождал пока джипы остановятся и махнул рукой.

– Сюда, блин, не ставь! – буркнул он на Хотунцева. – Увидят же!

Он указал под навес, расположенный слева от ворот, и майор завернул туда. За ним последовал француз, который хоть и не понимал русский язык, но жест Бармена истолковал верно. Я посмотрел, как подходят Костыль и Малой. Платон обернулся и сказал:

– А Фантик где?

Малой кивнул.

– Завтракает.

Я посмотрел на Платона и заметил некое подобие удивления на его лице.

– Завтракает, значит?

– Ага, – Малой невинно глядел на моего бывшего напарника, словно не сказал ничего такого, что вызвало бы гнев. – А что?

Платон хмуро шмыгнул носом. Нехорошо так шмыгнул. Опасно.

– А по шее он не хочет?

– За что это? – поднял брови Малой.

– За завтрак. Другие почему-то позавтракали раньше.

– Я вообще не ел, – вставил Костыль.

Платон повернул голову и пронзил его взглядом.

– Тебя кто-то спрашивает?

Я вытащил сигару, скусил кончик и постарался смягчить ситуацию. Платон, если разозлится, может и в драку влезть. Только этого нам и не хватало. Делом надо заниматься. Делом, не ерундой.

– Слушай, хватит, – сказал я, – пошли уже.

Платон кинул на меня суровый взгляд.

– Ладно, салаги, считайте вам повезло.

В это время Бармен распахнул ворота, и мы вошли внутрь.

Святая святых, настоящий склад, созданный Барменом ещё четыре года назад. Бизнес понемногу расширялся, вот и возникла потребность иметь под рукой всё необходимое. Такие же закрома были у Сидоровича, Михи-Лешего и ещё нескольких торговцев, из тех, что могли себе позволить установить прочные связи с поставщиками из-за Периметра. Можно было заказать любое оружие или снаряжение и у Клеща, только с тёмными мало кто хотел дело иметь. Доверие в Зоне не добродетель, а опасная и даже вредная привычка. Тут доверие заканчивается, едва ты переступил порог бункера. А то и ещё раньше.

Бармен оборудовал стеллажи и оружейные ящики. Отдельно находились средства противорадиационной защиты и продукты, представленные в основном тушёнкой. Меню, конечно, не как в ресторане, но с голоду не помрёшь. Да и ни к чему тут всякие разносолы. Я посмотрел на металлический стол, куда Бармен ещё с вечера сложил всё, что было сказано, однако, понятное дело, кое-чего не хватало.

– Задали вы мне задачку, – проворчал Бармен, подходя к стеллажам. – Я, между прочим, не волшебник.

– Если ты чем-то недоволен... – усмехнулся Платон, с таким лукавым видом, что можно было заподозрить неладное.

Бармен и заподозрил.

– Только не говори, что к Сидоровичу пойдёшь, – заявил он.

– А то что?

– Узнаешь. И не грози мне, Платоша, я тебя насквозь вижу.

– Рентген, что ли? – хмыкнул Платон.

– Ага, вроде того. Только в двадцать раз круче.

Костыль и Малой первыми подошли к столу, заваленному снаряжением и оружием. Я встал рядом. Ну-с, что тут у нас? А у нас имелось четыре автомата АК-103, два «хеклер-кох» G-36 и один штурмовой карабин «кольт» M-655, с подствольным гранатомётом M-203. Плюс,

куча магазинов к ним, как с обычными пулями в оболочке, так и разрывными. Ножи. В качестве дополнительного оружия – целый ряд пистолетов, на выбор. От обычного ПМ до хромированной «беретты» М-92Ф. Было и два почти новеньких «глока-17». Семь разгрузочных жилетов, ПДА, фляги, аптечки, баллоны с масками, упаковки с ампулами для инъекций обезболивающего и прочая медицинская мелочёвка. Бармен присовокупил ещё таблетки «антирада» и кое-что из своей коллекции. Скажем прямо, неплохо. Если что, сразу не помрём. Остаётся шанс, что называется, ещё помучаться.

Майор окинул пристальным взглядом всё лежащее на столе и вопросительно посмотрел на Бармена. Тот с готовностью вскинул подбородок.

– Ну?

– А где то, что я просил?

– Ты, мил человек, ничего не просил, – буркнул Бармен. – Скажи спасибо Ягуару, он мне рассказал. И учти, что твои дорогие финтифлюшки будут здесь только завтра вечером.

– Так ведь у нас же...

– Не сверли мне морду таким взглядом. Я и так кучу людей на ноги поднял ни свет ни заря. И озадачил по самые памперсы. Потерпишь до завтра.

Майор повернулся и глянул на нас с Платоном.

– Вы хоть ему объясните, что к чему!

Платон шумно вздохнул. И недовольно поморщился.

– Ты вот что, начальник, – тихим, почти змеиным голосом сказал он. – Не мороси тут, ладно? Если Фёдорыч говорит завтра, значит, завтра. И потом, начальник, никто отсюда без полного комплекта снаряжения не выйдет. Прогулка у нас будет серьёзная, напряжённая, мало ли. И тебе советую подумать, как пойдёшь.

В это время на склад зашёл Геша, с трудом втаскивая тяжёлый цинковый ящик, забитый под завязку гранатами. Платон посмотрел на него и вдруг засмеялся. Я сперва не понял причину веселья, потом глянул сам и тоже не смог сдержать улыбки. Левый глаз Гешы был окаймлён приличным синяком, который только-только начал наливаться во всей красе. Он виновато прятал лицо, но у нас-то у всех взгляд намётанный, шило в мешке не утаишь.

– Оп-па! – улыбнулся Костыль. – Паря, где же тебя так разукрасили?

– И кто? – добавил еле подавлявший смех Малой.

Геша шмыгнул носом, утёрся рукавом и тут только заметил Светку, которая выбирала себе «калаш». Его лицо стало бледным и немного испуганным, после чего Геша поспешил выскользнуть через ворота.

– Понятно, – хмыкнул Платон.

– Что тебе понятно? – нахмурился майор, поглядывая то на Светку, то вслед убежавшему Геше. – Неуставные отношения?

– Ага. Неудачное randevu.

Майор хотел было спросить что-то ещё, и уже открыл рот, но его перебили.

– Мужики, я не понял, – сказал вдруг Костыль. – А чего комплектов только семь?

– А сколько ты хотел? – нахмурился Бармен.

– Так, а... кто-то не идёт, что ли?

Платон кивнул на меня.

– На него нет комплекта. Он со своей собственной снарягой ходит.

Костыль усмехнулся.

– Не доверяешь другим, а, Ягуар? Или выделяешься?

Я посмотрел на него. Сурово посмотрел. Заставил отвести глаза.

– Нет, не выделяюсь. Просто жопу берегу.

– Индивидуалист, – заключил Платон.

– Он всегда такой, – добавил Бармен, качая головой. – Всё своё заказывает отдельно.

– Поэтому до сих пор жив, – назидательно сказал я. – Кстати, ты мне боеприпасы достал? Бармен закатил глаза. Было видно, что он сейчас запричитает.

– Ты уже спрашивал. Ещё на прошлой неделе. Я сказал, что всё достал. Забыл, небось?

– Не забыл. Но проверить надо. Ты же у нас завхоз известный.

– Вот только давай без этих твоих... шуточек, блин! Да если бы не я...

– Диагноз был бы хуже, – вставил Платон и усмехнулся. – А что за финтифлюшки у нашего командира?

– Как всегда, – сказал я. – Надувная женщина, презервативы, смазка.

Майор это слышал и начал багроветь. Только лопнуть от злости у него не получилось, потому что Бармен ответил:

– Так он записку передал через Ягуара. Переносная радиостанция с длинноволновым диапазоном и тремя комплектами батарей. И ручной анкер для переноски химически активных грузов. Немецкий. Редкая штукавина. Я же говорю, людей напряг. Эту фигню ещё попробуй достать!

Записку вчера я действительно передал. Только сам-то не читал, что там накарябали и Платон, и майор. Ну, положим, спрос своего бывшего напарника я примерно так знал, потому-то и объяснил на словах. А вот, что понадобилось Хотунцеву, услышал впервые. И мне это не понравилось. Особенно последнее.

– Анкер для переноски? – переспросил Платон. – Я тебя правильно понял?

– Химически активных грузов? – добавил я и бросил взгляд на майора.

Он сразу как-то весь занервничал и поспешно пробурчал:

– И что такого? Ну... да... я заказал не совсем обычное оборудование и что с того?

– Скорее, начальник, ты заказал совсем необычное оборудование, – хмуро сказал Платон. – А теперь, уж будь так любезен, мать твою, объясни нам грешным, где это ты собираешься искать химически активные грузы? Уж, не на вертолётё ли?

Хотунцев поджал губы. Помолчал немного, потом сказал:

– Это тот груз, что нам следует забрать.

– Ты это серьёзно?

– Да.

– И что же там такого химически активного? – спросил Костыль.

– Это не обсуждается, – отрезал майор и поглядел на Костыля с негодованием. – Не нравится, откажись.

– Эвон оно что...

– Да, именно так.

Платон крякнул, потом усмехнулся и посмотрел на майора. Я рискнул задать наводящий вопрос:

– А груз, случаем, не взрывоопасный?

Хотунцев резко обернулся ко мне.

– Нет.

– Ты это точно знаешь, майор, или не уверен?

Он стиснул зубы так, что я увидел, как заходили желваки на скулах. Готов поспорить, он думал, как бы мне врезать. Но не врезал.

– Уверен, – буркнул он.

– Тогда следующий вопрос...

– Я уже сказал – это не обсуждается, – Хотунцев так нахмурил брови, что превратился в рыжего двойника известного всем генерального секретаря.

Я проигнорировал его слова.

– Сколько весит этот твой груз?

Он кашлянул, помотал головой как медведь в туче пчёл и выдал:

– Семьдесят килограммов.

Вот так вот просто, да? Оратор, блин. Мы с Платоном переглянулись. Значит, что получилось? Снаряжение, боеприпасы, стволы, плюс, радиостанция и три комплекта батарей, заказанные тем же майором. И ещё вдобавок контейнер с ручками на семьдесят кило. А народу у нас сколько? Мы с Платоном, кстати, уже не носильщики, поскольку поведём всех. Причём, двое и сразу, один впереди группы, а другой прикроет тылы. Что в остатке? Костыль, два молодых парня, худощавый француз и рекордсменка по штанге, на которую, в принципе, можно спокойно загрузить эти семьдесят кило. Круто? Ничего подобного. В Зоне любой лишний груз – это балласт. И как мы будем бежать, если что? А не хотите ли всем этим цирком попасть в гости к стае слепцов или навестить, скажем, химеру?

Платон почесал лоб и тяжело вздохнул.

– Нужен ещё один, – сказал он и поглядел на меня, как бы ища поддержки.

Нужен, нужен. Я и сам знал, что нужен. Да только где взять?

Бармен посмотрел сначала на меня, потом на Платона.

– Так вы ещё человека хотите взять? – спросил он.

Платон кивнул.

– Придётся. Иначе никак. Лишние руки.

Бармен вздохнул, покачал головой, потерев кончик носа и внезапно сказал:

– Гешу возьмите.

Я глянул на него, думал, он шутит. Оказалось, нет. Бармен выглядел вполне себе серьёзно.

– Фёдорыч, ты чего? – удивился Платон. – Правда, Гешу хочешь с нами отпустить?

Между прочим, Бармен, как правило, своих помощников никуда не отпускает. Разве что в виде исключения. И то редко. И помощников, кроме охраны, у него только двое: Геша и Сыч. Не велик резерв.

– А ты против, да? – Бармен посмотрел на Платона с укором.

– Да нет, что ты. Просто... как же ты...

– Один не останусь, не бойся. Вон Сыча пока к делу приставлю. А вам лишний мужик только в пору. Мало ли что.

Он посмотрел на меня. А что я? Я Гешу знаю. Хоть и бывший «урка», но в принципе, не самый худший вариант. В Зоне он бывал только пару раз, зато её видел и в штаны не наделает, когда жареным запахнет. Опять же, как сказал Платон – лишние руки. Так что, порядок. Геша сойдёт.

Костыль вдруг захихикал.

Мы обернулись к нему. И Платон спросил:

– Ты чего?

– Девятка, – сказал Костыль, всё ещё хихикая.

– Не понял? – нахмурился Бармен. – Ты это про что?

– Девять нас вместе с Гешей. Девять Хранителей. Ну, Братство Кольца, блин! Не читали что ли? – не выдержал Костыль, раздражённо мотнул головой и снова захихикал.

Платон посмотрел на меня. Что я мог ответить? Ведь прав Костыль. На все сто прав. И мы засмеялись.

Кажется, атмосфера наладилась.

Когда мы увидели грандиозный заказ майора, Платон придиричливо осмотрел анкер со всех сторон, потом повернулся ко мне и сказал:

– Если потащим эту хрень...

Я его понимал. Анкер – квадратный сосуд, примерно, метр на полтора, с двумя металлическими рукоятками для переноски по бокам. Стенки и крышка из какого-то специального сплава, чтобы выдерживать химическую реакцию не меньше семи часов. Иными словами, залейте внутрь, скажем, угольную кислоту и этот анкер должен продержаться семь часов, пока вы что-нибудь не придумаете. А придумать тут можно только одно – сменить стенки, от которых к этому времени мало что останется. Крышка имела кодовый замок. Захочешь да не откроешь. Я понятия не имел, что же это такое мы должны тащить в этом дорожном ящике, но это что-то было химически активным. И очень химически активным, в противном случае не имело смысла тратить деньги на такую вещь.

– Можете не волноваться, – заверил нас майор. – Груз будет в полной безопасности.

– Да ну? – усмехнулся стоявший рядом Костыль. – Ты сам проверял?

– Это очень надёжный контейнер. Немецкое качество.

– Практика показывает, что европейские эталоны качества плохо совмещаются с Зоной. Я бы хотел уточнить, что же такое мы понесём? – Платон пристально смотрел на Хотунцева, и его взгляд заставлял майора немного нервничать.

– Я не могу сказать.

– Можешь сказать только мне, – кивнул Платон. – На ушко шепни. По секрету.

Майор замотал головой.

– Нет. Даже не думай.

Пока они многозначительно смотрели друг на друга, я подошёл поближе к анкеру и потрогал стенки. Металл выглядел, как хром, на ощупь был даже приятным, и я попробовал приподнять анкер. Просто взялся за ручку сбоку и потянул вверх. Тяжеловат, блин. Больше всего весило дно, очевидно, приспособленное для большей прочности. Если добавить сюда вес груза, то получим приличную задержку в пути. И носильщиков придётся часто менять.

– С ней мы кучу времени угробим, – сказал я, и они оба повернулись в мою сторону.

– И что ты предлагаешь? – сурово нахмурился Хотунцев.

– Если рацию оставим, будет меньше лишнего.

– Рация нужна. Это не обсуждается.

– Скажи, майор, ты по ней такси вызовешь?

Он дёрнул головой. Злобно так прищурился и выпалил:

– Не твоё дело, понял? Тебе, сука, платят, вот и делай свою работу! И не спорь! Рацию мы берём, ясно?

Я глянул на Платона. Он шмыгнул носом, пожал плечами и промолчал. Что же это? Выходит, мне одному возражать?

– Суку я так и быть тебе прощу, майор, – сказал я, стараясь вздохнуть как можно тяжелее. – Но только в последний раз.

Он смотрел мне в глаза. Долго смотрел, словно запоминая. Ни один из нас взгляд так и не отвёл. Пока Платон не вмешался.

– Ладно, мужики, хорош фигнёй страдать, – сказал он. – Сделаем проще, будем менять носильщиков. А рацию, майор, сам потащишь. Без обид.

Хотунцев оторвал глаза от меня и посмотрел на Платона.

– Понесу, – кивнул он. – Только его близко к ней не подпущу. А если увижу...

При этих словах он ткнул пальцем в мою сторону и угрожающе поджал губы. Ну, да, убьёт он меня. Как же. Размечтался. Платон кивнул.

– Значит, решили вопрос.

– Решили.

– Тогда, – Платон глянул на часы, – пошли ужинать и баюшки. Завтра в девять выходим. Костыль как-то тревожно так взглянул на меня и пробормотал:

– А...это...он, что, без снаряги, что ли?

Я усмехнулся.

– У меня свои шмотки. Сказано ведь уже. Забыл?

– И где же они?

– Ох, и любопытный ты, брат. Завтра увидишь.

– Так ты их не привёз ещё? – Костыль с хитринкой поглядел в сторону моей машины.

– Так я тебе всё и рассказал.

– Но ведь мог бы.

Платон схватил Костыля за шиворот и потащил к бару.

– Отстань от человека. Пошли жрать, Фёдорыч сегодня щедрый.

Мы направились обратно. Я внезапно подумал, пытаюсь вспомнить, когда же это Бармен бывал щедрым на харчи. И вспомнил. Зря, правда, вспомнил, потому что это был только второй раз. А в первый он закатил пиршество перед отправкой группы Барсука года два назад.

Никто из них тогда не вернулся.

С утра начал накрапывать мелкий дождик. Было сыро, влажный воздух грозил обернуться хорошим туманом. Я встал немного пораньше остальных, и уже возился возле своего УАЗа, когда во дворике показался Платон. Он был, что называется, в полной выкладке, на шее болтался М-655, к бедру пристёгнута кобура с «глоком-17». Платон зевал. Это было обычное для него состояние. Он так настраивался на дело. Одним словом, привычка. Или условный рефлекс.

Сзади показались остальные, медленно шагая по двору. То ли они ещё не проснулись, то ли оттягивали момент, когда мы покинем уютное и тёплое гнёздышко у Бармена. Последним, фыркая и мотая головой, шёл Геша. Платон подошёл ко мне, наблюдая, как я вытаскиваю своё оружие, и через мгновение раздался голос Костыля:

– Ага! Хрен моржовый, ишь как вырядился!

На мне был камуфлированный комбинезон, поверх него тактический разгрузочный жилет Pantac RAV и армейские боты. Рюкзак я всегда прятал позади задних сидений, в специальной нише, и когда начал доставать его, то очень удивил Платона, не говоря уже об остальных. Возле ног лежал чехол, о содержимом которого никто не догадывался. В руке я держал «бенелли» М-4, в набедренной кобуре справа сидел «кольт», а слева было пристёгнуто мачете. Костыль несколько мгновений смотрел на меня, потом хмыкнул.

– Тоже мне Рэмбо, блин! – буркнул он.

Платон кинул на него придирчивый взгляд.

– По сравнению с нами, – сказал мой бывший напарник, – Рэмбо ещё пацан.

– Да ну?

– Ага.

– Уж больно вы любите все эти не наши штучки-дрючки, – осклабился Костыль. – Оружие должно быть простым и надёжным. Как это.

Он поднял свой АК-103 и демонстративно потряс им в воздухе. Платон глянул, усмехнулся и повернулся ко мне. Да, этот вечный спор, чей же ствол хорош: отечественный или нет. Обычно, наше чудо ВПК позиционируется как абсолютно надёжное и работающее в любых условиях. Согласен. Только не все виды иностранного оружия так уж плохи. И не зря кое-кто из сталкеров берут с собой в Зону импортные «машинки», если финансы позволяют. Когда существует выбор: ПМ или «глок», что вы возьмёте?

Костыль продолжал победно держать над головой «калаш», в то время как Платон указал на его правое бедро.

– Эй, патриот, а вот это что? – спросил он.

Все взгляды устремились на кобуру, пристёгнутую к правой ляжке Костыля. Наш бравый радатель за отечественного производителя взял себе «беретту», ничуть не смущаясь буржуйским происхождением этого пистолета.

– Так ведь...э-э...это...

Костыль сконфузился, но его выручило появление Бармена. Он появился позади него, как спасительный маяк, на которого тут же переключилось всеобщее внимание. Бармен подошёл к нам с Платоном и вручил карту.

– Здесь помечены аномалии, – сказал он, протягивая электронный планшет моему бывшему напарнику. – И есть информация по прогнозу выбросов. Короче, всё, что смог достать.

– Данные по аномалиям точные? – прищурился Платон.

– Я когда-нибудь тебя обманывал?

– Эти данные только до следующего Выброса. Потом твою картотеку можно на свалку.

Бармен обиженно поджал губы. И глянул на меня. Я взял планшет и кивнул. Не стоило задевать Фёдорыча, он ведь как лучше хотел.

– Спасибо. В дороге посмотрим.

Бармен расплылся в широкой улыбке и, словно волшебник, буквально из ниоткуда выудил целую пачку тяжёлых патронов 504-го калибра. Потом с эдакой хитринкой в глазах протянул мне.

– Держи. И не говори, что я слово не держу.

Я усмехнулся. Между прочим, я ведь рассчитался за эти патроны. Так что он их должен был достать ещё вчера, но решил показать себя перед всеми. Дескать, вот он какой, незаменимый. Слово держит. Эх, Фёдорыч, барыгой ты был, барыгой и остался. Думаю, барыгой и помрёшь.

– Весьма признателен, – я сунул пачку в рюкзак, капсюлями к спине.

Можно было посетовать на задержку заказа, но я не стал. Ну его, к лешему, себе дороже. Когда начинаешь спорить с торговцем, голова болит. И всегда будешь виноват, что не ценишь доброту и заботу. Словно, он мой ангел-хранитель, ведёт по жизни и помогает. Как же, держи карман шире!

Платон окинул взглядом наш отряд, жестом велел собраться в кучку возле него и сказал:

– Ну, всё, пора. Сверим часы.

Мы сверили. Ровно 9: 35.

– Выходим, – Платон поправил оружие. – Я поведу. Саня замыкает. Малой, Фантик – несёте анкер. Остальные – цепочкой следом. Не растягиваться. Вопросы?

Вопросов не было. Только Геша неожиданно громко чихнул. Костыль посмотрел на него и пробурчал:

– Не сглазь, твою мать.

– Это хорошая примета, – возразил Малой. – Когда человек чихает.

– А ты откуда знаешь?

– Читал. Это же Фэн-шуй.

Костыль гневно обернулся.

– Чего?!

Фантик хихикнул. Его поддержал Геша. Но для Костыля само слово Фэн-шуй было противостоестественным. Сродни заморской заразе. Платон повысил голос:

– Пошли!

Я шагал последним, обернулся и с удивлением посмотрел на Бармена, который стоял, глядя нам вслед. Не каждый день увидишь, как тебя провожают, осеняя крестным знаменем.

Небо было серым, в воздухе пахло влагой, под ногами хлюпала грязь. Настоящая ноябрьская погода, хоть на дворе сейчас и весна. Платон взял хороший темп, и примерно через час с небольшим мы всё-таки растянулись. Майор шёл вторым, сразу за Платоном, пыхтя от тяжести радиостанции и запасных батарей. Всё это хозяйство он тащил лично, как и обещал. Следом шагал Пьер, за ним Малой с Фантиком, отдуваясь не хуже майора, несли анкер. Им в затылок дышала Светка, чуть приотстав, топали Костыль и Геша, а я замыкал шествие. Раскисшая от дождей тропа уводила от завода «Росток» в северо-восточном направлении. Нас проводил патруль «Долга», и, когда скрылись из вида заводские постройки, мы остались одни.

Около полудня мы вышли к железнодорожной насыпи, которую разрезал надвое взметнувшийся вверх бетонный мост. От него на восток вела неплохо сохранившаяся асфальтированная дорога, однако Платон остановил движение. Мне не нужно было даже беспокоиться, в чём там дело. Моя задача – следить за тылом. Все присели, держа оружие наготове. Геша торчал прямо за мной, нервно озирался и шмыгал носом. Я заметил, что Платон, шедший во главе нашей маленькой колонны, стал понемногу смещаться влево. Оказалось, на пути разлеглась «электра», которую пришлось обходить. На новичков, особенно, на Светку и Пьера, аномалия произвела впечатление, но не слишком большое. Платон вовремя обогнул «электру», не давая времени на размышление и разглядывание. Для майора это тоже было не так удивительно. Он шагал след в след за моим бывшим напарником, не особо волнуясь.

Конечно, почему нет? Не он же сам идёт впереди.

Мы подошли к мосту практически вплотную. Я на секунду глянул вперёд и увидел, что Платон сместился вправо, скинул рюкзак и пополз куда-то в кусты, следом, повинувшись его жестам, прополз майор. Ему было проще двигаться по уже примятой траве, что он и сделал, демонстрируя навыки отменного пластуна. Рацию и батареи он оставил у ног француза.

Через мгновение из кустов показалась голова Платона, с довольной ухмылкой во весь рот. Он легонько свистнул, привлекая общее внимание, и жестом показал, что всё в порядке. Остальные подтянулись. У моста имелся тоннель, заросший травой, который Платон и проверил. Потом решил сделать привал.

– Наконец-то, ёлки! – простонал Фантик, с особым наслаждением роняя ручку анкера. – У меня уже руки затекли.

– У меня тоже, – добавил Малой.

Костыль хмуро почесал кончик носа, глядя на обоих.

– Что за молодёжь пошла, – проворчал он. – Дохляки одни.

– Не обобщай, – заметил Малой, кивнув на Светку.

Казалось, что даже под комбинезоном у неё перекачиваются мускулы.

Костыль многозначительно крикнул, но ничего не сказал. Предмет для спора был не тот.

– Ладно, – послышался голос майора, – дежурить будем в две смены. Первым Ягуар. Потом Малой. Остальным разрешаю короткий отдых.

– А пожрать, дядя? – возмутился Геша.

– Мы здесь ночевать не будем.

– И чё? Раз, чисто, без ночёвки, значит, и пожрать нельзя?

Я толкнул Гешу под локоть.

– Доставай тушёнку. Часа три у нас есть.

– У него, может, и есть, – майор сделал шаг и подошёл ближе. – А у тебя приказ, не забыл? Первая смена на пост.

Я скинул рюкзак, потом чехол и попросил Гешу посторожить. Он кивнул, глядя при этом почему-то не на меня, а на майора.

– Не вопрос, бра-атан!

Хотунцев стоял передо мной, всем своим видом показывая нетерпение. Я взял наперевес своё ружьё и стал медленно подниматься вверх по насыпи. Мне пришлось облюбовать себе

местечко слева от шпал. Железнодорожные пути проходили через этот мост и скрывались где-то на востоке, за густым перелеском. Чуть правее от того места, где я сидел, виднелись вдалеке проржавевшие вагоны. Они стояли прямо на путях. За ними можно было разглядеть покосившийся столб ЛЭП, провода свисали почти до земли, спутавшись в какой-то дикой причёске.

Небо было таким же серым и хмурым, как с утра. Назревал дождик, но к этому уже привыкли все. В Зоне вечная осень. Хотя выпадают и тёплые деньки. Правда, редко.

Через полтора часа меня пришёл сменить Малой. Он сыто рыгнул, утирая губы тыльной стороной ладони. И, похоже, был доволен жизнью.

– Иди, перекуси, – сказал он, закидывая за плечо свой АК-103.

– Никогда так не делай, – ответил я.

Он удивлённо поднял брови.

– Ягуар, ты чего?

Я показал на его автомат, закинутый за плечо.

– Вот так никогда больше не делай. Иначе сожрут, а ты и охнуть не успеешь.

– Так никого ведь...

– Не факт. Вагоны видишь?

Он прищурился, потом кивнул.

– Вижу.

– Там, вроде, пусто. А, может, и нет. Сиди и наблюдай. И ствол держи наперевес, а не за спиной. Понял меня?

Малой напряжённо облизнул губы и закивал.

– Ага.

– Молоток. Давай, бди!

Я стал спускаться с насыпи. В тоннеле под мостом, где мы сделали привал, оказалось довольно уютно. Высокие кусты с обеих сторон скрывали человека почти целиком. Платон с майором стояли возле другого края тоннеля и что-то обсуждали. Костыль лихо ковырялся в банке с тушёнкой, Фантик курил, а Геша и француз дремали. Только Светка, видимо, не зная, чем ещё заняться, чистила автомат. Полная идилия, которую я нарушил ненароком.

– Хорош сторож, блин, – сказал я, пихнув сопящего Гешу в бок.

Он перевернулся, отмахнулся и пробурчал:

– Никто ничего не тронул, в натуре. Кипеж не поднимай, братан.

– А если бы тронул?

– А-а! – Геша зевнул. – Фигня!

Я сел, вытащил тушёнку и принялся за еду, наблюдая за округой. Видно было плохо, обзор закрывали кусты, но и нашу честную кампанию тоже не разглядеть снаружи. Оставалось ещё половина банки, когда сверху, с насыпи, донёлся приглушённый свист. Это был сигнал. Что-то случилось. Платон резко обернулся, окинул взглядом тоннель и жестом показал мне, мол, иди, проверь.

Возражать не имело смысла. Я просто оказался с нужной стороны насыпи. Пришлось бросить остатки трапезы и взяться за оружие. Остальные тоже насторожились – майор прошёлся по тоннелю, пинками разбудив дремавших людей. Я поднялся наверх, заметив, что Малой залёг за рельс, наставив автомат в сторону вагонов. Лицо у него было немного бледноватым.

– Ну? Что тут? – спросил я, опускаясь на землю рядом с ним.

– Там, – он указал на вагоны.

– Что?

– Звук...какой-то...нехороший.

Я прислушался. Такое бывает. Сидит человек, напряжённо наблюдает и вдруг мурашки по спине, скребёт что-то совсем рядом, адреналин скачет вверх, начинается паника. Организм

рефлекторно готовится бежать или драться. Проходит минута. Две. И ничего. Показалось. Нервы просто сдали.

Опять же, бывает.

Я сперва решил, что у Малого тоже нервы расшалились. Сидит, ждёт и вот послышалось. Но тут со стороны вагонов раздался едва слышимый скрип. Эхо донесло металлический лязг, словно состав должен был тронуться с места. Зазвенело где-то совсем уж близко, и мне это не понравилось. В Зоне, конечно, много странного, но всё, что не знаешь или не видел раньше – смерть. Потому что невозможно предсказать, насколько такое явление безопасно. Вагоны тут стояли, наверное, ещё с каменного века, только звенело тут или нет, я не помнил.

Значит, выход один.

– Смотри в оба, – сказал я Малому и скатился вниз.

Платон уже стоял там и ждал, целясь вверх. Справа и слева его прикрывали майор и Пьер, а сзади ещё и Костыль, взявший под контроль тыл. Мой рассказ пришёлся Платону не по душе. Он шмыгнул носом, сплюнул и кивнул.

– Всё, привал окончен. Уходим. Засиделись.

Через пару минут мы покинули это место. Прошли под мостом, чтобы не напороться на звенящие вагоны, и взяли западное направление.

Теперь мы шли на закат, держась слева от насыпи. Насколько я мог вспомнить карту, впереди должна быть заброшенная деревенька, а, учитывая, что уже начинало темнеть, я понял этот манёвр Платона как поиск места для ночлега. В принципе, я бы поступил точно так же. После случая с вагонами, Малой немного дёргался, остальные не шибко поняли, что вообще произошло, но стало ясно, что первую прогулку пора заканчивать. Ночью по Зоне не ходят. Да и людям надо дать передышку.

Через пару часов бодрого марша, обойдя «карусель», мы подошли к околице, заросшей берёзами. Несколько домов, обветшалых и покосившихся, виднелись слева, скрытые садами. Плетни практически лежали на земле, увитые опавшими ветками. Я шёл последним, оглядывая дорогу. За нами никого не было, но это ещё ничего не значило. Мы вошли в деревню, как захватчики, бегло озираясь вокруг. Платон сразу дал сигнал рассредоточиться, и майор первым бросился вперёд. Француз оказался у него за спиной и прикрыл с тыла. Малой и Фантик остались возле анкера, кинув его на землю, и заняли круговую оборону. Костыль и Светка прикрыли наш фланг у развалившегося плетня, а Геша прилип ко мне, как банный лист. Он был весь в нервном возбуждении. Как же, приключения пошли.

Платон с майором уже обыскали первую хату, но она, видимо, оказалась непригодной для ночёвки группы из девяти человек. Они ломанулись через сад к следующему дому. Мне показалось, что как-то храбро пошли. Обычно, Платон так не ходит, мало ли что, а тут, вот, пошёл. Через несколько минут Платон снова посигналил, чтобы все собирались к нему. Они с Хотунцевым нашли отряду место для ночлега – небольшую избу, с покосившимся крыльцом и наглухо заколоченными ставнями. Взломали дверь. Внутри было пыльно, света, конечно, не было, зато имелись целых три кровати. Платон вышел и помахал рукой Малому с Фантиком, чтобы заносили анкер в избу. Быстро темнело. Я и Геша подходили последними, когда из-за угла внезапно вынырнул Костыль.

Его глаза были такими, словно он увидел нечто неопишное. Он подбежал к Платону и замахал рукой, указывая куда-то назад.

– Там...это...

Платон долго не думал. Посмотрел на меня и кивнул.

– Саня, глянь-ка.

Ох, ты ж, блин ежовый. Я не стал спорить, быстро скинул рюкзак с чехлом, вскинул «бенелли» и дал знак Костылю, дескать, веди. Он пошёл в направлении соседнего дома, когда-то бывшего крепким кирпичным коттеджем. Оказалось, они со Светкой-Терминатором шли

от плетня и напоролись на ЭТО. Что именно там было, я так и не понял, поскольку рассказ Костыля был очень уж сумбурным. Однако мы обошли выцветший кирпичный забор и оказались во внутреннем дворе. Возле ступеней крыльца стояла Светка, согнувшись пополам и борясь с тошнотой. Я посмотрел на пыльные, но уцелевшие стёкла и обернулся к Костылю.

– И чего?

– Это за углом.

– Там?

– Да, – кивнул Костыль, но со мной не пошёл.

Чем ближе я подходил к углу дома, тем сильнее становился запах. Едкий, тошнотворно-прелый аромат разлагающейся органики. Хотелось зажать ноздри, поэтому скоро мне пришлось дышать ртом. Я завернул за угол и застыл, теперь понимая озадаченность Костыля. Такое, пожалуй, и я сам видел впервые.

– Твою-то ж мать...

Это было какое-то дикое нагромождение псевдоплотей. Не меньше четырёх-пяти особей, будто сваленных в кучу. Конечности были переломаны, некоторые туши уже сгнили настолько, что казались высохшими мумиями. У двух, сохранившихся лучше остальных, бока словно бы размякли, отчего их внутренности вывалились наружу. Дышать здесь было практически невозможно, и я повернул обратно. Очевидно, всё мной увиденное отпечаталось на лице, потому что Костыль, как меня заметил, сразу спросил:

– Ну?

Я постарался продышаться. Удалось, честно говоря, не сразу.

– Да, хреново, – выдавил я.

– Ты такое раньше видел?

– Нет, а ты?

Он вытащил сигарету и закурил.

– Что думаешь? – спросил он.

– Их съели. Кто-то очень большой. И очень голодный.

– Настолько голодный, что справился с пятью псевдоплотями?

– Они не были убиты все разом. Степень разложения, похоже, не та.

Костыль сделал одну глубокую затяжку и нервно сплюнул.

– Вот что я тебе скажу, Ягуар, – он посмотрел на меня так, словно я вынес ему смертный приговор. – Валишь бы надо. Мне Компас рассказывал. В прошлом году они с Бородатым на Милитари ходили, потом в Тёмную долину свернули, там пришлось им Выброс переждать, а после шли они в лесочке и наткнулись на такую же вот фигню. Бородатый сильно любопытный был, дурья башка, ну и пошёл глянуть. И пропал. Компас искал, искал, да не нашёл. А три месяца назад, он с группой заказ на Милитари выполнял, совсем рядом был от того места, и решил глянуть. Тем более что народ был не против. Историю-то уже слышали.

– И что? – спросил я, чувствуя раздражение, ибо слушать страшные сказки не любил: надоедали.

– Нашли они Бородатого. Весь высох, как мумия, и не поймёшь толком, где рожа, где туловище. Похоронили его. Как положено.

– Молодцы. Слушай, Костыль, пошли. Уже стемнело почти.

– Нет, ты слушай! – Он схватил меня за плечо. – После ещё два парня пропали. Народ заволновался и ходу. Даже весь хабар бросили. Компас только часть принести смог. На себе тащил.

Я оттолкнул его руку и сделал шаг назад. Такие чокнутые любители всего таинственного и непознанного вызывали у меня неприязнь. Тем более, что Компаса я знал. Сталкер из «Свободы», нередко промышлявший мародёрством, он имел весьма поганую репутацию даже среди своих. Бородатого, правда, видеть не доводилось, но расклад был ясен и прост – Компас убил напарника, а потом сочинил страшную байку о его гибели. В Тёмной долине мутантов столько, что вообще повезло труп этого Бородатого найти. Высох он или не высох, разницы никакой. И мне до чёртиков надоело стоять в сумерках возле упавшего плетня.

Я посмотрел на Светку. Она уже немного пришла в себя, и ждала завершения нашей с Костылём беседы. Поэтому я повернулся и махнул рукой им обоим.

– Давайте назад. Я прикрою.

– Ты так и не понял ни хрена, да, Ягуар?

Я устало повторил жест рукой.

– Пошёл, мать твою!

Он злобно сверкнул глазами, впиваясь в меня колючим взглядом, но промолчал. Умно поступил, не стал спорить. Мы дошли до нашей избы, где встретили гневное лицо майора. Он воззрился сначала на меня, потом на Костыля. Потом снова посмотрел на меня. На девушку даже не глянул. Ясно. Как всегда, я виноват.

– Чего так долго? – спросил вышедший на крыльцо Платон.

Пришлось объяснять. Мой бывший напарник выслушал молча, изредка усмехаясь, но слушал внимательно. Про разговор с Костылём я умолчал, не зачем мужика подставлять, да и треплом я никогда не был. Относительно дохлых псевдоплотей я высказал свои соображения, что их угробил ещё никому неизвестный, и, видимо, крупный мутант. Платон секунду размышлял, после чего посмотрел на майора.

– Надо бы глянуть...

Хотунцев как-то нервно так дёрнул щекой и поморщился.

– Темно же уже, – сказал он.

Я понял, что наш бравый офицер боится. Только вида не подаёт.

– Не так уж и темно, – усмехнулся я, думая подлить масла в огонь.

Он посмотрел на меня с такой лютой ненавистью, что отвернулся даже Костыль.

– Всё равно опасно, – упрямо сказал майор. – Нам не нужен неоправданный риск!

– Может, утром? – внезапно предложила Светка. – Лучше будет.

Платон просчитывал варианты. Всё-таки, он имел хороший дух авантюризма, мог при случае рискнуть, но дураком он точно не был. Сомнительная прогулка до соседнего дома в мрачной ночной тишине, пусть даже ради неизвестного науке факта, его не прельщала. Поэтому он кивнул.

– Завтра разберёмся. Давайте в дом.

Платон подождал, пока все не войдут внутрь, потом задержал меня, поскольку я шагал последним.

– Ты уверен в том, что видел? – спросил он.

– Что значит уверен? Я не свихнулся. Я это сам видел. И потом, нас там было трое. Ты, что, думаешь, здесь контролёр вокруг ходит?

Платон вздохнул и виновато пожал плечами.

– Ну...шут его знает...вдруг это мираж?

– Там от гниения не продохнуть.

Он махнул рукой.

– Ладно, посмотрим. Пошли.

Огонь, понятное дело, разводить не стали. Сложили в середине комнаты пару фонарей, сверху прикрыли несколькими рюкзаками и получили не яркое, почти что интимное, освещение. На ужин, как обычно, тушёнка и фляга с лучшим в мире противорадиационным средством – водкой. Платон сразу отправил в караул француза, которого должен был сменить Фантик. Меня не трогали до самого утра. Было уже около шести, когда меня разбудил Костыль, поворчал что-то насчёт погоды и прилёг где-то в углу.

Я вышел на терраску с насквозь прогнившими рамами, осмотрел затянутый утренним туманом двор. Потом устроился на перевёрнутом ржавом ведре, положил на колени ружьё и вытащил сигару. Только закуривать не стал. Языком отодвинул её в угол рта и принялся медленно и методично жевать кончик.

Рассвет подходил очень уж не спеша. Остатки забора напротив проявились в тумане минут через двадцать, потом стало заметно светлеть. Давила лишь тишина. Абсолютная тишина, ни звука, даже не ветерка. Я повернул голову и посмотрел на соседний дом, за которым мы и нашли это странное кладбище псевдоплотей. Если и стоило ожидать какой-то непосредственной угрозы, то только оттуда. Кто бы, очень голодный, не охотился на псевдоплоть, он вполне мог и вернуться, чтобы продолжить трапезу. Ну, а новых мутантов в Зоне хватало с избытком. Конечно, на каждом повороте их не встретишь, это только слухи. Можно сутками топтать по местному ландшафту, где ни одной тебе аномалии. А потом вот заночуешь в нормальном таком, проверенном, подвальчике и столкнёшься нос к носу с абсолютно новым представителем здешней фауны. Или флоры. Их, бывает, с первого-то раза и не разберёшь. Не помню точно кто, кажется, Лунь рассказывал про «кикимору». Тоже никто сперва не видел. Хотя, может, и видели, да только очевидцев этого чуда не осталось.

Особую радость от таких вот новых форм жизни испытывали лишь учёные, сидевшие в своём лагере на Янтаре. Западные светила науки тоже пытались изучать Зону, только вот место, видно, выбрали не слишком удачное. Больше половины их экспедиций пришлось на Припять и окрестности. Ясное дело, что мало кто вернулся обратно, а те счастливицы, что всё-таки дошли до своих, разом лишились либерально-демократических мыслей. Благодаря их докладам проняло даже руководство НАТО, и выросла на северо-западном рубеже Периметра новая линия Маннергейма, с детекторами движения, автоматическими системами артиллерийского огня, установками тактических ракет и целой сетью полноценных армейских баз «Орион». Короче говоря, окопались буржуины по самое не могу. Даже площадки для штурмовых тактических вертолётов «хеттнер» сделали. Только вот ходки в саму Зону их учёные уже прекратили. Зато щедро спонсировали наших идиотов своими грантами на исследования, фактически, вынуждая рисковать других собственной шкурой. Да, западная демократия она, блин, такая.

Я задумчиво жевал кончик сигары, когда уловил отчётливый шорох. Откуда он раздавался, сразу было не понять, но любые звуки посреди полной тишины никогда не предвещали ничего хорошего. Я приподнялся, взял «бенелли» наперевес и пристально оглядел периметр перед домом. Туман постепенно рассеивался, однако не настолько быстро, как хотелось бы. Дальние строения всё ещё тонули в сероватой дымке. Злополучный соседний дом, от которого нас отделял покосившийся плетень и густые заросли давно заросшего чёрте чем сада, выглядел довольно мирно. Правда, здесь всё может быть мирно, пока не тяпнет тебя за горло.

Через несколько минут звук повторился. Мягкий шорох, словно бы кто-то потихоньку проползал среди опавшей листвы. Я вскинул ружьё, сдвинул предохранитель и прицелился в сторону угла нашей избы. Кажется, что шорох слышен именно оттуда. На секунду мелькнула мысль пойти и проверить, но я тут же отбросил эту идею. Мало ли что там? Одному идти опасно, можно и пропасть не за хрен собачий. Подойдёшь, глянешь, а там такая фигня...

Нет, уж лучше топтать с прикрытием.

Я вернулся в дом и негромко присвистнул. Первым проснулся Платон, он всегда спит чутко, привычка такая. Я коротко обрисовал ситуацию, и он кивнул. Потом растолкал мирно сопевших француза и Гешу. Последнему он велел разбудить остальных и встать на стражу, пока мы не проверим, как там и что. Затем проверил свой штурмовой карабин М-655 и вышел следом за мной на крыльцо.

Пьер шагал последним, постоянно оглядывался и тыкал во все стороны дуло G-36, сразу видна легионерская выучка. Отслеживает периметр, даже не предупреждая товарищей. Чтобы исключить возможные сомнения, мы завернули за угол, откуда, как мне показалось, и шёл этот шорох. Платон шагнул первым, я прикрывал с фланга, а француз присматривал сзади. Однако ничего там не было. Разве что примятая трава и малозаметные следы, похожие на мелкие борозды. Кто-то протискивался через кустарник. Вполне возможно мелкая дрянь. Её тут много.

Платон повернулся, покачал головой и бросил взгляд на соседний дом. Потом глянул на меня, как бы спрашивая, ну, что пойдём? Конечно, чего уж там. Экскурсия всё равно назначена на утро.

Мы обогнули плетень и пошли. Платон уверенно шагал впереди, я за ним, а Пьер замыкал. Увиденный вчера забор украшала какая-то плесень, которую я, вроде, не видел здесь в прошлый раз. О чём и сообщил Платону, жестом указав на новое образование на обветшавшем кирпиче. Он глянул, кивнул, мол, принял к сведению, и пошёл дальше. Когда подходили к углу, я снова ощутил сильный запах. Впрочем, утречко было достаточно свежим, чтобы потерпеть. Платон завернул за дом.

– Вот же мать твою! – тут же вырвалось у него.

От того, что мы видели вчера, мало что осталось. Может, две туши, а, может, и всего одна, поскольку разглядеть в этой хаотичной куче хоть что-нибудь было почти невозможно. Пахло чуть слабее, чем вчера, но всё равно наш француз, пролепетав что-то на родном языке, сморщился и отвернулся. Платон же, наоборот, отнёсся к делу с повышенным вниманием, хотя его самого воротило, будь здоров. Он осторожно обошёл залежи останков, осмотрел и помахал мне рукой.

– Ягуар, глянь.

Мне не шибко хотелось идти следом, обходя этот жуткий могильник, но раз мой бывший напарник что-то обнаружил, значит, надо посмотреть самому. Зря он дурью маяться не будет. Я прошёл вокруг, стараясь поменьше дышать, и встал возле Платона. Он указал направо, где на примятой траве виднелся основательный след, похожий на борозду. Такой же, как мы видели за углом нашей избы, только этот был раза в четыре больше. Да и от тушей псевдоплотей тут практически ничего не осталось, что наводило на определённые мысли. Кто-то тут покушал. Причём, плотно и часть того, что не доел, видимо, унёс с собой.

– Видал? – ствол М-655 указал на разодранные кусты.

Я посмотрел, заметив, что трава облита какой-то желтоватой слизью. И при контакте с ней сами травинки обмякли, словно растворялись. Но на кислоту это не было похоже. Скорее на что-то органическое. Как желудочный сок.

– Может, это «студень»? – изрёк я, озадаченно оглядываясь вокруг.

Платон хмыкнул.

– Таких размеров? Он, само собой, вполне способен слопать псевдоплоть, но ведь не столько сразу. Да и говорю же, сами «студни» таких размеров ещё никто не видел. Не, не факт, конечно, но...

– Ничего другого в башку не приходит.

– Оно и понятно. Короче, Саня, валим-ка мы отсюда. Будем считать, что везучие мы.

– Везучие? – переспросил я.

– Кто бы это ни был, он под утро приходил. След почти свежий. А к нам не заглянул, хотя мы тут вон, рядом.

– А за углом у избы такие же борозды, помнишь? Только меньше.

– Помню. Потому и говорю – сваливаем. Всё, потопали обратно.

Мы вернулись, когда Геша, стоявший в карауле, уже проверил, что за углом нашего дома. И теперь был несколько взволнован.

– Не, пацаны, – возмутился он, – это чё, блин, за дела?

– Чем недоволен? – буркнул Платон.

– Тут какая-то херня ночью ползала, а мы сидим как...

– Заткнулся. И быстро в дом.

– Не, погоди, а чё за...

Платон вскочил на крыльцо, попутно подхватил Гешу за локоть и втолкнул в дверь. Я последовал за ним, а француз тут же развернулся, присел на колени и взял на прицел периметр за нами. Всё – таки работать в связке с профессионалом одно удовольствие.

– Уходим, – объявил Платон остальным.

Они сидели на полу и завтракали, поэтому столь категоричное высказывание вызвало небольшой протест. От Костыля, который ещё не прикончил свою порцию тушёнки.

– Ты чего? – он поднялся. – Случилось что?

– Случилось. Давай, не задерживай всех. Собирай манатки и в путь.

Костыль посмотрел на майора, тоже не доевшего, но тот сразу подскочил к Платону и завалил его целой кипой вопросов. Пока они там обсуждали, что да как, я собрал свой рюкзак и прикрепил к нему чехол. Таскать их отдельно мне надоело. Пока я возился с вещами, ко мне подошла Светка, протягивая банку «Яловичной».

– Держи, – её маленький, чуть вздёрнутый носик шмыгнул.

– У меня есть.

– Это про запас. Тут все ели, кроме тебя.

Я усмехнулся. Что ж, если ко мне по-человечески, можно и поблагодарить.

– Спасибо.

– Не за что.

Деревенку покидали тем же порядком, только анкер теперь тащили Костыль с Гешей. Один поплатился за возражения, другой – потому что не хотел бросать завтрак. В принципе, Платон мог бы и в зубы дать, такое уже бывало. Так что ребята ещё легко отделались.

Платон повёл было нашу маленькую колонну на восток, поближе к Свалке, однако, возле холма, оказавшегося на пути, все ПДА дружно подали сигнал. Радиационный фон стал выше. Пришлось, не солоно хлебавши, свернуть северо-западнее. Костылю это обстоятельство не особо понравилось.

– Слишком близко, твою мать, – процедил он не громко, но достаточно, чтобы я расслышал.

– Чего? – пыхтя, спросил Геша.

– Чего... чего... слишком близко к Янтарю окажемся. Вот чего.

– И чего?

– Заладила ворона...

– Не, так я чё-то не врубился. И чего такого?

– Радар там второй есть. Говорят, ещё до сих пор работает.

– Где?

– Где... где... в Караганде, блин! На дне озера он.

– И чего?

– Мозги набекрень съедут, сразу поймёшь чего.

– Чё, правда, что ли? В натуре?

Костыль витиевато выругался, однако, продолжать разговор дальше не стал. То ли не захотел, то ли слова у него кончились. Потом внезапно раздался недовольный голос Платона:

– Эй, вы там, болтуны хреновы! Рот прикройте и молчим. А то так слово за слово и получил ёжик по морде, ясно?

– Ага, – буркнул Костыль.

Так и пошли дальше. В полном траурном молчании.

Ближе к полудню тучи, закрывавшие небо сплошным покрывалом, начали рваться в куски. Проклюнулось солнце, понемногу уничтожая остатки туманной дымки, стало заметно теплее, подул лёгкий ветерок, и зашелестела в округе листва. Мы подошли к обрывистому берегу ручья, от которого почти ничего не осталось, кроме высохшего русла. Дно сильно просело. И теперь этот ручей окончательно превратился в грязную канаву. После дождей тут скапливалась вода, но сейчас виднелись лишь неглубокие лужицы.

Платон коротко свистнул и просигналил – привал.

Геша с Костылём блаженно опустили анкер, с радостными вздохами присев рядом. Малой и Фантик тоже немного выдохлись, зато наш бравый француз тут же принял на себя охранение всей колонны. Я в который раз подумал, что обучали его на славу. Светка молча растянулась на траве, утирая лоб ладонью. И только майор, казалось, ничуть не замаялся. Он бодро что-то обсуждал с Платоном, который был явно недоволен. Я скинул свою поклажу, приткнул к упавшей берёзке и уселся, с большим удовольствием вытянув ноги и прислонясь спиной к рюкзаку. Потом вытащил сигару. Только вот закурить не успел.

Платон помахал мне рукой.

– Эй, Ягуар, на два слова!

Да что ты, в самом деле. Ни минуты покоя. Я нехотя поднялся и подошёл к ним. Даже не оглядываясь, я ощущал, как взгляды остальных напряжённо следили за мной. Если один проводник подзывает другого, значит, есть проблема. Как минимум, только одна. Впрочем, это я так думал. Когда подошёл к Платону с майором, выяснилось, что проблем у нас целых три.

– У нас тут вроде консилиума, – с усмешкой сказал Платон, глядя на майора с некоторым презрением. – Нужно мнение третьей стороны. Независимого эксперта. Готов напрячь мозги?

Я сунул в зубы сигару и кивнул.

– Излагай.

Платон вытащил электронный планшет. На экране была топографическая карта, и весьма даже неплохая.

– Мы сейчас тут, – сказал он и ткнул пальцем в зелёный крестик, мерцавший на карте. – И можем пройти сюда. В обход озера. Только наш командир против. Категорически. Говорит, что мы потеряем много времени.

– Зато мозги у всех будут на месте, – возразил я. – Это всё?

– Нет. Гм... видишь ли, у нас вроде как защита имеется от радара.

– Это как же?

Платон кивнул на радиостанцию, стоявшую возле рюкзака майора. Я посмотрел на неё, потом перевёл взгляд на своего бывшего напарника.

– Так, а теперь подробнее.

Хотунцев вспыхнул было, но быстро сообразил, что сейчас придётся выложить все карты на стол. И он заговорил:

– Это была идея нанимателя. Защита от пси-излучения, плюс, дополнительная гарантия от контролёров и бюреров. Никто не должен...

– Так, выходит, это не рация вовсе? – перебил я его.

Майор кивнул.

– Да, это не рация. Переносной автономный генератор, блокирующий любую ментальную волну. Ну, и батареи к нему.

– Ты знал? – я повернулся к Платону.

Он шумно вздохнул и только развёл руками.

– Я догадывался.

– Понятно. Имеем секрет и молчим. Мне-то мог бы сказать.

– Да я...

– Или хотя бы намекнуть.

– Слушай, Саня, речь сейчас не о том. У нас проблема, как идти. Может, у Янтаря по нам шарахнет, а, может, и нет. Лагерь учёных здесь, – Платон снова ткнул пальцем в карту. – Можно пройти по краю озера. Вот тут. Дальше сделаем марш-бросок на Отричи. Это где-то три километра. Потом, по кромке болота и на Ольшанку. Ночуем у Михи-Лешего. А с утра чешем без остановок до самой Припяти.

Я вытащил изо рта сигару, размял в пальцах. Дельно. Очень дельно.

– Так в чём проблема? – спросил я, глядя на Платона.

Он кивнул на майора.

– Не хочет.

Я обернулся к Хотунцеву. Конечно, он, вроде, не круглый идиот, но зачем упрячиться? Что ему надо?

– У тебя есть другой вариант? – спросил я майора.

Хотунцев вырвал планшет из руки Платона и сунул свой грязный ноготь в экран.

– Вот здесь пойдём! – рявкнул он.

Я посмотрел. И сигара замерла у меня между пальцев. Наш бравый стратег решил не искать окольных путей. Он был готов вести свою армию, то есть нас, напрямик на Выжигатель Мозгов. Так сказать, мощным наступлением добраться до нужного объекта. Только он не удосужился спросить мнение подчинённых.

– Ты совсем рехнулся, да? – Платон тоже увидел предложенный Хотунцевым маршрут. – Мы же там все зомби станем!

– У нас есть генератор...

– Ты его проверял? А? Проверял, майор? – Платон выдернул из руки Хотунцева планшет. – Ты, мать твою, не шибко надейся на свою электронику, и скажи спасибо, что нас ещё не одна серьёзная гадина не навещала!

– Там люди ждут! – указательный палец майора ткнулся куда-то в направлении горизонта. – Ты это понимаешь? Люди! Им помощь нужна! Пока мы всё кружим они там...

– Умерли там все, – сказал я. – Давно уже умерли. Не мечтай, майор, никого ты там не спасёшь.

Он рывком повернулся ко мне, лицо побагровело, на шее жилы вздулись, и выпалил:

– А ты, вообще, заткнись, вонючий наёмник! Ты... ты...

Он запнулся, видимо, не зная, какое ещё ругательство на меня обрушить. Но ситуация накалялась, майор явно вошёл в ярость, и я незаметно сделал полшага назад, как бы переминаясь с ноги на ногу. Впрочем, незаметно получилось только для хрипящего от гнева Хотунцева. Платон-то наверняка всё заметил.

– Ты... – майор вдруг сплюнул и резко рванулся вперёд.

Он не собирался бросаться на меня с голыми кулаками. Не-ет, на этот раз он просто решил сократить дистанцию, потянувшись рукой за кобуру на бедре. Только вот не подумал, что благодаря моему манёвру она вовсе не сократилась. А, наоборот, увеличилась. И мне оставалось только одним плавным движением выдернуть свой «кольт» и наставить майору в лоб. Он замер, словно натолкнулся на невидимую стену, а рука так и застряла на кобуре с наполовину вытащенным из неё «глоком-17». Лицо Хотунцева скривилось от жгучей досады, и он выдохнул:

– Ах, ты ж, ё...

Я знал, что все сейчас привстали, наблюдая за нашим неожиданным представлением. Мне нужно было не просто победить Хотунцева ещё раз. Так или иначе, но наша ссора вполне может повториться. Я это знал наверняка. Думаю, что и майор это знал. Мы как бойцовые рыбки. Не посадишь двух самцов в один аквариум. Для майора нужен был наглядный урок. Или я его сломаю сейчас, или однажды всё случится вновь. Только вот как его ломать, я пока не придумал.

– Руки отведи в стороны, – процедил я, продолжая целиться Хотунцеву между глаз. – Медленно и осторожно.

– А то что? – прохрипел он, злобно шурясь.

Что ж, попробуем другим способом. Вместо ответа я быстро оттянул спицу курка. Раздался чёткий металлический щелчок. Майор невольно вздрогнул. Нет, трусом он не был, но был вынужден стоять под дулом пистолета, не имея возможности что-либо предпринять. До меня было ещё полшага. Ни уйти в сторону, ни выбить у меня оружие он бы не успел. Стоило только сделать хоть одно резкое движение, и его мозги разлетятся в радиусе пяти метров. Хотунцев всё это прекрасно понимал. И само отсутствие возможности действовать его сильно напрягало.

Прошла, наверное, минута, хотя, казалось, что мы стоим так уже целую вечность. Это было похоже на игру, у кого первого сдадут нервы. Я надеялся, что мои будут крепче. Однако как ни странно, но первым-то заволновался как раз Платон.

– Э-э...Саня...ты бы...гм... как-нибудь аккуратнее, а? – сказал он.

Майор продолжал держаться за кобуру. То ли из гордости, дескать, вот я какой мужик, то ли от дурасти. Потому что тупой и упрямый. Как и многие офицеры. С этим надо было кончать, и я сказал так громко, чтобы слышали остальные:

– Этот придурок хочет изменить маршрут! Гонит нас прямо через Выжигатель! Кто-нибудь желает идти с ним?

Вот так вот. Коротко и ясно. Теперь им всем предстоит принять решение. Но я никак не ожидал, что они сделают это так быстро. Справа от меня лязгнул затвор, и раздался голос Костыля:

– Хрен моржовый ему в жопу, а не Выжигатель!

Он подошёл сбоку и направил свой «калаш» на Хотунцева. Где-то слева мелькнул Геша, а позади майора появилась Светка и бесцеремонно выдернула «глок-17» из его кобуры. Он только ухмыльнулся, мотнув головой, как медведь, напорившийся на гнездо пчёл. Но проигрывать майор не любил, поэтому сделал попытку взять реванш, сунув левую руку назад, за пояс.

Но не успел.

– Эй, эй! А ну стой смирно! – Костыль подскочил к нему и схватил за локоть.

Позади майора ухватила Светка, рванув его влево. Одновременно он получил бутсой под колено, и осел, зарывав как озлобленная дворняга:

– Суки-ииии-ии!!!

Костыль отобрал у Хотунцева «вальтер» ППК и протянул мне.

– Видал, что у него в заначке?

Поскольку Терминатор скрутила майора основательно, я опустил оружие и взял у Костыля «вальтер». Значит, вон оно как. Был у майора козырь. Был. Может, пристрелить его всё-таки? Чтоб уж точно решить вопрос? Да, в принципе, плевать я на него хотел. И я вскинул «кольт».

– Ты что?! – на моей руке внезапно повис Платон. – Саня, брось горячку пороть!

– Да оставьте вы его, блин, – сказал Малой, кивнув на майора. – К болоту выйдем, у Михи-Лешего бросим. Он ему применение точно придумает.

– Ага, – усмехнулся Костыль. – Отмычкой будешь, начальник. Слышь, Ягуар, тебе ствол его нужен?

Я посмотрел на «вальтер» и протянул его Костылю.

– Держи.

– Вот спасибо. Я добро помню, Ягуар.

– Учту.

Я сунул оружие в кобуру на бедре и в этот момент раздался выстрел. Далёкий сухой треск, отозвавшийся раскатистым гулким эхом. Я не сразу сообразил, откуда стреляли, но эта пуля досталась Фантику. ПФОРХ! С противным хлопаящим звуком она пробила парню горло, разбрасывая ошмётки трахеи. Хлестнула кровь, и Фантик с жутким хрипом повалился на спину. Через мгновение послышался крик француза:

– Courir!³

Он присел на колено, развернулся в сторону разросшегося подлеска, справа от нас, и дал короткую очередь. Костыль и Светка, не сговариваясь, поддержали его огнём. Пули скосили чахлые кусты, кто-то там вскрикнул, но в ответ застучал пулемёт. Ну, что за невезуха! Земля вокруг моих ног вздыбилась фонтанчиками, и я как мог, швырнул себя влево, поближе к сложенным кучкой рюкзакам. Невесть что, но хоть какая-то защита. Справа ухнул гранатомёт Платона, но это мало помогло. Где-то в подлеске раздался взрыв, взлетели вверх комья дёрна попеременно с травой и ветками, однако невидимый пулемётчик продолжал строчить.

ПФОРХ! ПФОРХ! – несколько пуль ударили в рюкзак прямо перед моим носом. Чертыхнувшись, я перекатился вправо, где стукнулся лбом в неподвижное тело Фантика. Я посмотрел на него. Не жилец, бедолага. Из развороченного горла сильной струёй выталкивалась кровь, заливая щёки и шею. Эх, парень, глупо-то как. Сидел, сидел и пулю словил. Возле его ноги я заметил оброненный АК-103, протянул к нему руку, и тут несколько пуль взрыли грунт у моего плеча. ШПЫХ! Комья земли ударили мне в скулу, в нос попала пыль. Да, вашу мать-то! Я резко откатился налево, вернувшись поближе к рюкзакам. Остальных я не видел. Но подумал, что по нам лупит, пожалуй, не один только пулемёт. Конечно, в грохоте и воплях ничего не разобрать, но действовать придётся самому.

Я перевернулся на спину, отсоединил магазин, проверил и вставил обратно. В рюкзак за головой что-то садануло, да так, что сверху мне на макушку посыпалась земля. Что ещё такое? Пуля? Осколок? А-а, плевать, не задело и ладно. Теперь надо добраться до ручья. Катимся вправо и стараемся не попадать под огонь. Н-да! Легко сказать, не попадай под огонь. Только выхода нет. Подлесок можно обойти лишь по руслу ручья. Я стиснул автомат, расположив его вертикально, стволом вверх, как в почётном карауле, сжал зубы и зажмурился. Господи, как же я ненавижу такие вот моменты. Кто бы только знал. Я глубоко вдохнул, с шумом втягивая в себя воздух. Ну, помчались.

Я рывком перевалился на правый бок и постарался придать своему телу максимальное ускорение. Получалось не очень красиво – сопящий нескладный объект пытается кувыркаться боком по траве. Пару раз возле головы взлетали буруны дёрна, поднятые пулями, что-то просвистело над ухом, быстрее комариного писка, но я продолжал переворачиваться, всё дальше и дальше от спасительной кучки сложенных рюкзаков. Здесь укрыться было уже негде. Потом вдруг я ударился бедром обо что-то твёрдое. Глянул и понял, что задел вросшую в берег ручья полусгнившую корягу. Где-то слева протарахтел автомат, раздалась забористая ругань, а после жажнуло гранатой. Взрыв поднял приличный кусок травянистой почвы и расшвырял её во все стороны. Меня накрыло с головой, влажная земля посыпалась за шиворот, только это уже не имело никакого значения. Я перевалился через корягу и скатился на дно ручья.

Под ногами влажно чавкнуло. Ага, угодил в лужу. Не успел я отдышаться, как сверху пробарабанила очередь. Пули вспороли краешек берега, обрушив на мою бедную голову настоящий земляной дождь. Видно, решили меня добить. Ну, да сейчас. Пылесосить вашу чере-

³ Берегись! (фр.)

пушку! Не дождётесь! Я отряхнулся, прошёл немного вперёд и начал карабкаться наверх. Это высохшее русло являлось своеобразным аналогом глубокого окопа, позволяя пройти под прикрытием почти к самому подлеску. Я очень надеялся, что наши неизвестные противники не станут закрывать свой правый фланг, который почти что и упирался в ручей. Если же они догадаются это сделать, моя миссия обречена.

Я понемногу вскарабкался по склону берега и осторожно выглянул, чтобы оценить обстановку. Да-а, дела наши были не очень впечатляющими. Передовую оборону, похоже, держали только Светка, Костыль и француз – катались среди разбросанных рюкзаков и отстреливались. Из подлеска по ним вели практически залповый огонь, вынуждая постепенно сгущаться в середине нашего импровизированного лагеря. А потом накроют парой-тройкой гранат. Ни майора, ни Платона, ни Малого я не видел, хотя кто-то постреливал из-за кривых сосен справа. Гешу тоже не видел, зато слышал. Он ажурно матерился и строчил из «калаша» короткими очередями, где-то левее упавшей берёзки с моим рюкзаком.

Так, ситуация ясна.

Я посмотрел налево, в сторону порыжелых кустов, за которыми начинался подлесок. Были заметны изредка вспыхивавшие огоньки выстрелов. Часто мелькало только пламя стучащего пулемёта. Мысленно отметив примерное расположение вражеских позиций, я спустился обратно и начал осторожно продвигаться вперёд по руслу ручья. Правда скоро мне пришлось пригнуться, поскольку берега становились всё ниже и ниже. И, наконец, само русло начало сужаться, превращаясь в маленькую грязную канавку, исчезающую в хорошо разросшихся кустах. Задача моя несколько усложнилась. Не то, чтобы я был чересчур крупным парнем, но с учётом разгрузки, меня было бы видно. Единственным выходом было только ползти.

Это-то и оказалось самым мерзопакостным. Опуститься в липкую, сырую грязь и двигаться вперёд по-пластунски, вымазываясь этой самой грязью как настоящий краб. Автомат приходилось держать поперёк груди, на согнутых руках, локтями упираясь в мокрый противный грунт. И так ползти, как учили, сохраняя оружие, по возможности, чистым. Ошмётки влажной глины летели в лицо. Я подумал, что скоро стану похож на персонаж из фильма ужасов, когда вползал в кустарник. Теперь ко мне стали липнуть ещё и колючки.

Примерно через полсотни метров я упёрся в древесные стволы. Между ними чего только не было, от кустов рябины до папоротников. Вся это обильная поросль давала неплохое укрытие. Никто меня не поджидал, значит, надежды оправдались. Я медленно подполз к ближайшей сосне, чуть привстал и осмотрелся. Их было пятеро. Заняли позиции полукругом, но слишком уж разошлись друг от друга. Шестой был у пулемёта, но находился далеко от меня. Не вариант. Пока я размышлял, с кого из них начать, кто-то поднялся в кустах слева, выпрямился во весь рост, и приготовился метнуть гранату. Что ж, теперь ясно, кто умрёт первым.

Я скинул «калаш», снял предохранитель и прочертил моего противника короткой очередью на уровне груди. БРРААНГ! Его отбросило назад, из ладони вылетела граната и юркнула куда-то между соседних деревьев. Я припал к земле. Потом ухнул взрыв – ГРОООУУМ! – и возле головы пролетели осколки, щёлкая по древесине и сбивая ветки. Не успел я приподняться, как застрекотали выстрелы. Понятное дело, противник сообразил, что его обошли, и принял меры. Я откатился вправо, чтобы сменить позицию, потом резко выпрямился и дал очередь. Пули срезали ближайшие кусты, но вряд ли я в кого попал. Зато услышал ругательства и тяжёлое дыхание. И, судя по звуку, меня начали окружать. Не, ну, ребята, я так не играю. Что ж вы, блин, всем скопом-то, а?

Я спешно отступил назад. Они не стреляли, и через мгновение я понял, что меня попросту не видно. Точно так же, как и я не видел своих противников. Строчить из автомата наобум, по голосам, было бессмысленно, вокруг деревья и густой кустарник. Попасть сложно, а вот выдать себя можно запросто. Что, собственно, и произошло. Меня услышали. Эхе-хе, поторопился я, старею. Теперь вот придётся расхлёбывать.

Слева затрещали кусты рябины, и я успел обернуться. Они буквально вывалились на меня, двое бородатых мужиков, чумазые, как и я. Один плотный, повыше меня ростом, другой моложе, со шрамом на щеке. Это всё, что я сумел разглядеть за те несколько секунд, прежде чем мы сцепились.

Я вскинул «калаш», но тот, высокий, хлётким ударом ноги попал по стволу. БРАААА-АНГ! Вся очередь ушла в небо. Тут же справа меня атаковал второй, захав прикладом в висок. Пригнувшись, я кувырнулся вперёд через голову и резко вскочил, только чтобы встретить жестокий выпад в лицо. Под кулак высокого я подставил автомат, и он охнул. Больно, да? Его товарищ подскочил сбоку, но я швырнул в него «калаш», заставив отпрянуть. Через мгновение моя рука скользнула к левому бедру, и мачете с тихим лязгом покинуло уютные ножны.

Тот, со шрамом, сделал новый выпад, выбросив приклад мне в скулу. Я увернулся и наотмашь полоснул его по ноге. Оказалось, шикарно так полоснул, он заскулил, и, согнувшись, схватился за свою ляжку. На несколько секунд он выбыл из боя, и мне хватило времени, чтобы заняться его высоким другом. Хотя, похоже, всё было с точностью до наоборот, это высокий решил заняться мной.

С хриплым рыком он выдернул из ножен на жилете штык-нож от «калаша» и кинулся в атаку. Размашистый был у него выпад, сильный, я еле уклонился. Потом сместился влево, сделал шаг вперёд и замахнулся мачете. Он попытался подставить свой штык-нож, но разница в длине клинка сыграла свою роль. Мой удар был, конечно, отбит, только я всё-таки зацепил ему рукав. Комбинезон у него чуть выше запястья потемнел от крови. Мой противник снова охнул и сделал самую отъявленную глупость – он отскочил назад. Если бы он пошёл на сближение, дела мои, ввиду наличия его кореша со шрамом, стали бы совсем плохи. А если уж быть очень точным, каюк бы мне пришёл. Долго петлять между двух, пусть и раненых, противников я не смог бы. Однако высокий решил увеличить дистанцию, дав себе шанс остановить кровь, а мне предоставил возможность атаковать его приятеля.

Я не стал тратить время на разные уловки. Просто подскочил к хромавшему обладателю шрама на щеке и рубанул его по шее. Слева направо. Он успел закрыться автоматом, но я перехватил его за ствол и рванул к себе. Потом просунул мачете под приклад и вонзил противнику в бок. Брызнула кровь, парень завопил. На это отреагировал высокий.

– Убью, гад!!! – зарычал он.

Его удар был таким мощным, что если бы он попал в меня, наверное, сломал бы все рёбра. Только в меня он не попал. Едва я заметил его бросок, как тотчас развернулся, всё ещё держась за слегка обмякшего обладателя шрама. И подставил его спину. Штык-нож вошёл в неё по самую рукоять. Глаза у парня закатились, он захрипел и стал медленно оседать на землю. Остолбнев от такой неожиданности высокий вытаращился на меня, не понимая, как же это произошло. Я не стал оттягивать финал. Один шаг влево и короткий удар по горлу.

Он зажал гортань, сквозь пальцы плеснула кровь. И рухнул ничком.

Я думал, всё.

Как же, размечтался.

Где-то позади меня раздался грозный вопль:

– Держись, Лёха! Лёха, держись! Я иду!

Я резко обернулся.

Из кустарника между двух сосен, отплёвываясь от колючек, выскочил молодой парень в камуфлированной бандане. На нём не было разгрузки, потому и двигался он легко. Но вот в руке был зажат «стечкин», и я понял, что настал самый неприятный момент, поскольку мой «кольт» находился в кобуре, и дотянуться до неё не получится. Эх, ты ж, ё-моё!

Парень несколько мгновений просто тупо стоял и смотрел. То на меня, всего вываленного в грязи, то на своих павших товарищей. Я не шевелился. Прекрасно зная, что он выстрелит. Вот только когда? Кидать мачете не имело смысла – не успею. Да и клинок, извините, тяжеловат

для таких аттракционов. Ещё через секунду, когда ярость благородная у моего визави вскипела как волна, он вскинул пистолет. Быстро. Так быстро, что на всё у меня было две доли секунды.

И я, как сумел, прыгнул в кусты рябины.

Правда, приземлился не так, как рассчитывал. За кустарником оказался небольшой овраг, дно которого перекрутило корнями ближайшего дерева. Я туда и влетел, ударился коленом обо что-то твёрдое, перевернулся на спину и ощутил, как боль пронзила ногу. Вслед мне захлопали выстрелы. Я попробовал согнуть колено, убедился, что ничего не сломано, хотя болело жутко, и попытался встать. И тут же понял, что основательно зашиб коленку. Стоять я мог, а вот ходить разве что хромая.

В этот момент сквозь кусты протиснулся мой противник, направив АПС на меня. Его лицо выражало решимость и молодецкую удачу. Необходимые качества, чтобы покончить с любым врагом, как он, вероятно, считал. Я только сплюнул. Шансов у меня не было. Расстояние – чуть больше четырёх метров, у меня в руке мачете, у него ствол. И в рукопашную я сейчас даже муху не осилю, с ушибленным коленом. Он посмотрел мне в глаза, ухмыльнулся и выдал:

– Ну, что, сука, допрыгался? Ненавижу вас, тёмных! Гниды паршивые, ничем вы не лучше других тварей в Зоне! А всё людей из себя корчите!

Я молчал. Парень принял меня за одного из тёмных сталкеров, такое часто бывает. Он глянул на клинок у меня в руке.

– Чё, думаешь, эта железка меня остановит, да? – его голос стал противно визгливым. – Хочешь меня распороть, а? Думаешь, Лёху зарезал, так и меня сможешь? А вот мы щас посмотрим!

Он вытащил обойму, дёрнул затвор, освобождая патронник, и отшвырнул АПС далеко между соседними соснами. Потом нервными рывками засучил рукава. Я продолжал молчать и только наблюдал. Чудны дела твои, господи. Н-да.

– Ну, чё, сучара? – он сделал шаг вперёд, массируя кулаки. – Станцуем?

Я посмотрел в сторону отлетевшего оружия. Хорошо он его забросил. С размахом. Героический пацан. Конкретный.

– Видел я раньше дураков, – сказал я и покачал головой. – Но чтоб таких...

Он на мгновение замер.

– Ты чё там зудишь, сволочь!?

Я глянул ему в лицо и снова покачал головой. Некоторые ребята действительно оставляют мозги в материнской утробе ещё при рождении. Выкидывать оружие, когда у твоего противника его в избытке, и принимать честный бой, вместо того, чтобы просто пустить ему пулю? Это же каким идиотом надо было родиться? Похоже, что разглядывая меня, он так и не удосужился обратить внимание на кобуру на бедре. Я выхватил «кольт» и направил на него. Вот теперь глаза у парня стали похожи на блюдца. Неприятный вышел итог.

– Да, твою ж ё... – выдохнул он.

А потом пули 45-го калибра пробили его грудную клетку. БАНГ! БАНГ! БА-БАНГ! Я не пожалел целого магазина. Парня опрокинуло навзничь, и он завалился в кусты рябины, сминая ветви своим телом. Вот теперь мы закончили. Как говорится, спасибо за внимание.

Тут я услышал хруст веток справа. Пришлось спешно выщёлкивать пустую обойму и перезаряжать. Но не так страшен чёрт – из соседних кустов показался Платон. Весь в пыли и песке, он выглядел не лучше меня. Увидев направленный на него ствол «кольта», Платон передёрнул плечами.

– Стоп! Свои! – он окинул взглядом окровавленный труп в поломанных ветках рябины, потом посмотрел на меня и усмехнулся. – Ну и рожа у тебя, Шарапов.

– На себя погляди.

– Зеркало потерял. Ладно, пошли.

Прихрамывая, я начал выбираться из оврага. Платон озабоченно покачал головой.

– Ранен?

– Нет, ушибся.

Он засмеялся.

– Блин, Ягуар, как же тебя угораздило?

– Очень смешно. Как остальные?

– Пойдём, увидишь.

Мы обогнули две ближайшие кривые сосны. Позиция наших противников оказалась разгромленной в хлам, двое лежали со связанными руками, рядом – их оружие и главная гордость среди трофеев: станковый пулемёт Браунинга М-2НҚСВ, из которого нас и расстреливали. Его с радостным видом осматривал Геша. Ну, как же, блин, он ведь словно рейхстаг взял. Когда показались мы с Платоном, все повернули головы. Я, конечно, оваций не ждал, но несколько удивился их благожелательным улыбкам. Ко мне подошёл Костыль, хлопнул по плечу и выпалил:

– Ну, ты даёшь, Ягуар! Прополз, как глиста им в задницу! Уважаю! Если б не ты...

– Ладно, ладно, – протянул Платон. – Не смущай парня.

– Да ты чего? – обиделся Костыль. – Я же это...от чистого сердца...

Я обернулся и посмотрел в сторону нашего лагеря.

– Ещё кого задело?

– Нет, – Платон покачал головой. – Только Фантика. Малой сейчас там.

– Да, они ж дружили. Похоронить бы.

– Сперва пленные.

Платон указал на связанных. Они головы не поднимали, так и лежали, уткнувшись носом в землю. То ли боялись своей участи, то ли скрывали лица. Напрасно, потому что у Платона, обычно, имелся неплохой опыт по части развязывания языков. И, если у него бывало соответствующее настроение, он эти свои навыки применял с лихвой. Сегодня, похоже, он был в нужном настрое. Понятное дело, не слишком-то ему понравилось валяться под пулёмётным огнём.

– Ох, ты ж, мамочки мои! – раздался вдруг голос Костыля. – Кого это я вижу, а? Колобок! Никак снова свиделись?

Он подошёл к одному из пленных, тому, что лежал слева, и ухватил его за волосы. Потом задрал голову вверх. На лице Костыля разлилась уже не радостная улыбка. Это был настоящий звериный оскал.

– Знаешь его? – спросил Платон.

– А то! Это же Вовка Грунин, мы его Колобком прозвали. Мародёр, падла! Хороший мародёр! Он в прошлом году хабар у Синего спёр. И у Михи-Лешего, говорят, тоже. Три месяца назад и меня надул. Вот ведь где довелось...

– А почему Колобок? – спросил я.

– Так он как в сказке, – Костыль мотнул головой и тихо засмеялся. – И от бабушки ушёл, значит...и от дедушки...никто его спаять не мог. Хитёр, подлец. Как будто чувствует. Ну, ничего, уж поговорим. Я много что имею ему сказать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.